

The background of the cover is a reproduction of the painting 'The Starry Night' by Vincent van Gogh. The sky is filled with vibrant, swirling colors of blue and yellow, with several bright, glowing stars. Below the sky, a dark, turbulent sea is visible, and in the foreground, a small village with a prominent church spire is nestled among rolling hills. The overall style is characteristic of Impressionism, with visible brushstrokes and a rich, textured appearance.

Елена Александровна
Асеева

Коло Жизни. Зачин

Том второй

Елена Асеева

Коло Жизни. Зачин. Том второй

«Издательские решения»

2015

Асеева Е. А.

Коло Жизни. Зачин. Том второй / Е. А. Асеева — «Издательские решения», 2015

Второй том книги «Коло Жизни. Зачин» в увлекательной форме расскажет о событиях жизни прибывших на Землю детей, в частности главного героя Владелины. Поведает о традициях, обычаях и верованиях закладываемых высшими силами и формирующихся вследствие произошедших непредвиденных обстоятельств. Произведение познакомит читателя с другими богами, их многочисленными созданиями, в ярчайших красках опишет красоту юной планеты Земля.

© Асеева Е. А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	22
Глава четвертая	30
Глава пятая	36
Глава шестая	44
Глава седьмая	53
Глава восьмая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Коло Жизни. Зачин
Том второй
Елена Александровна Асеева

*«Если вы думаете, что сможете – вы сможете, если думаете, что
нет – вы правы»*
Мао Цзэдун

© Елена Александровна Асеева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава первая

Уже заканчивался месяц новое лето, когда Боги призвали в капище Двужила, Вещунью Мудрую и Владелину. Плоть девочки приобретшая клетку Дивного совершенно оправилась от болезни и набралась сил и крепости. Правда за четыре прошедших месяца девушка, похоже, еще сильнее похудела и вытянулась, словно хотела своим обликом показать всем как она близка к Расам.

Почти весь спень месяц жила Влада в капище, сама того не зная ожидая решения Родителя, однако, за это время она привязалась не менее сильно к Дивному, коего вскоре стала также величать Отцом. Только если старшего Раса она любила собственным естеством, то к Дивному испытывала привязанность иную, точно кровную. Таковую, какую до встречи с антропоморфом ощущала лишь к Воителю, которого днесь видела в капище также редко как Седми, Словуту, Дажбу и Небо. Зато вельми часто с ней бывал Дивный, целуя ее своей темно-русой бородой достигающей груди столь густой на концах, что там она закручивалась по спирали в отдельные хвосты. Зиждитель был с девочкой еще более нежен и ласков, и, восседая на появляющимся с покатою спинкой кресле в комнате подолгу и весьма спокойно выслушивал ее довольную трескотню, всяк миг успокаивая и сдерживая ту торопливость, степенно отвечая на все интересующие вопросы, мягко голубя волосы и целуя в макушку.

Когда же, наконец, Владелине позволили покинуть капище, единственно о чем попросил ее Небо не сказывать никому, и сие, похоже, касалось не столько мальчиков, сколько альвов, гомозулей и духов, где она досель была и, что пережила. Впрочем, никто о том и не спрашивал, а мальчики ничего из происшедшего не помнили. События нападения антропоморфа (Влада это проверила) словно стерли из памяти отроков... И Граб, и Миронег, и иные ребята вообще думали, что этот долгий срок девочка гостила в Выжгарте. Девушка выяснив сие в редких разговорах с мальчиками не стала разрушать того чудного образа в их памяти, продолжив жить дальше. Теперь, право молвить, Владелине и вовсе не позволялось ездить верхом, совершать, что-либо требующее физических нагрузок и даже одевал ее Выхованок.

Зиждители страшась за жизнь лучицы постарались как можно более продлить срок существования самой плоти, а для того убрали все нагрузки, все волнения... Ибо каждое движение, точно каждый вздох неудержимо приближал к концу и так слишком короткий срок первой человеческой плоти в которой обитала лучица, каковую возможно более Расы не смогли продлить, поелику в людских телах не всегда столь легко приживалась божественная клетка. Словом драгоценную девочку берегли, кахали... Каждый вздох, трепет, стон, желание было под неусыпным вниманием порученцев Словуты, всех без исключения альвов, духов.

Юница, увы! по воле Богов и вследствие собственного естества слишком сильно теперь зависящая от них, часто приходила к капищу да подымаясь по лестнице пропадала в густой желтоватой завесе ища успокоение в разговорах с Дажбой или отцовских объятиях Небо, Дивного. Порой, оставаясь там ночевать, что не только не воспрещалось, а вспять поощрялось. Бог Огонь за эти месяцы отступил назад и чувства к нему девочки не иссякли, они вроде как, под волшебной рукой Седми, примолкли, чтоб не тревожить, не изводить и так ослабленную и единожды бесценную плоть.

За тот год, что промелькнул с отъезда Огня и принесший такие кардинальные изменения в судьбе Владелины, Удалой вырос в небольшого, крепкого сложенного с весьма длинными ушами кобеля. С каковым на охоту ходил Граб, вначале под руководством Двужила, а погода один. И всякий раз, поутру провожая любимца на охоту, девочка всем сердцем стремилась пойти с ним и точно, как Граб натянуть тетиву лука. Но Влада слишком хорошо помнила тот день в горнице, когда на уже чуждое и одновременно родное ее тело, лежащее в боляхной половинке яйца, Дивный из расставленной ладони выронил ядреную золотую брызгу. Отроко-

лица не помнила, что было дальше, но когда она проснулась в следующий раз в своей комнате, почувствовала, что окончательно выздоровела. И потому хоть и желала, но не смела, нарушить просьбы Богов, беречься.

Единственное, что иногда позволяли юнице это поход в луга, но и только под неусыпным вниманием царицы и ее двух сподвижниц, и совсем близко от поселения, чтобы не переутомиться. Хотя надо отдать должное, здоровье девочки, поправившееся по жертве Дивного, за это время значительно укрепилось, что радовало не только Зиждителей, но и альвинок.

Небосвод уже окрасился в фиолетовые полутона, будто долгими полосами прочертив его поверхность, когда Владелина, Вещунья Мудрая и Двужил зашли в капище, и, преодолев завесу оказались в зале. На золотистой рубаше, где рукава были укорочены до локтя, девушки блистала золотая цепочка, Златовласа, талию не сильно стягивал пояс Шудякора, удерживающий голубые шаровары, также как и меч, хоть ноне не носимый, но возвращенный Словутом. На голове юницы находился веночек, указывающий на нее как на болярина, каковой теперь вместо ножен с мечом она должна была надевать, когда являлась по особому приглашению в капище. На правой и левой руке Влады поблескивали тонкие, гладкие золотые браслеты, дар Дажбы, а на среднем пальце правой руки массивный изумрудный перстень, дар Словуты. Словом, после излечения, каждый из Зиждителей, как особой удачей сохранения ее жизни, попытался таким образом порадовать и выделить отроковицу меж иных своих созданий.

Вступив в залу, все три представителя племен поклонились Небо и иным Богам, среди коих ноне отсутствовал Воитель, иначе, был и Седми, и Словута, что было не частым и свидетельствовало о чем-то весьма важном. Зиждители восседали на мощных голубых креслах, вроде как не имеющих каркаса, а посему принимающих очертания и форму расположившихся в них. И Владу, как избранная, опустилась на высокий мягкий пуфик, резво выросший позадь нее от упавшего с под свода помещения лазуревое лохмотка, оно как ей стоять не позволялось.

Когда впервые такой лохмоток упал к ногам девочки, она, громко вскрикнув, присела, обхватив руками голову, и еще долго потом вздыхала, объясняя, что видела такое падение много раньше и посему так испугалась. Тогда юницу успокаивал не только Небо, но и Дивный, стараясь снять напряжение от произошедшего.

Днесь же Владелина спокойно усевшись и сложив руки на колени воззрилась на старшего Расы, тот успокоительно ей улыбнулся, ласково осмотрев с ног до головы, на малеша задержавшись взглядом на лице и лбу, а посему стал сказывать:

– В днях, – царица белоглазых альвов и глава гомозулей еще ниже пригнули и дотоль склоненные головы, – на Землю прибывает Бог Асил... Он привезет своих отпрысков. Вместе с Асилом придут земные духи и наш любезный Огонь.

– Огонь! Огонь придет! – торопко дохнула Владелина почуяв, как неожиданно от того известия всколыхнулась дотоль замершая в ней чувственность к Богу.

– Огонь, моя дорогая, – мягко пояснил Небо. В общем отроковице позволялось, прощалось, не замечалось все... даже перебить на полуслове Бога. Единственно, что не терпели Расы, чтобы она спешила, и всегда сдерживали горячность ее речи и движений, каковые как-то особенно усилились после выздоровления. – Не сыпь словами, – многожды нежнее молвил Зиждитель, останавливая уже было вновь открывшийся рот девушки. – Говори медленно... не горячись, моя драгоценная девочка. Я же тебя о том просил уже не раз.

Небо смолк, предоставляя возможность сказать Владе, ибо это для него было также важно, как и начатый разговор. Но перебитая, отроковица сомкнула рот и неспешно качнула головой, давая понять Богу, что готова его слушать. Старший Рас еще немного помолчал, чтобы под его полюбовным взором она и вовсе умиротворилась, и когда девочка задышала ровней и перестала суетливо гладить перстами гладь изумрудного камня в перстне, продолжил:

– Вам надобно встретить Бога Асила. На встречу поедите не только вы втроем, но и мальчишки, главы других людских поселений. Теперь внимательно... Вы оба, Вещунья и Двужил,

слушайте внимательно, что должны будете сделать. Владушку поставите в первый ряд мальчиков с самого края, как раз подле себя Вещунья. Окружишь девочку членами своего народа, иначе так, чтоб ее было видно. Она ничем... ничем не должна обратить на себя внимание Асила. Он, непременно, задержится своим взором на каждом из мальчишек, как всегда делает... всегда ощупывает. И, безусловно, пожелает прощупать нашу драгость. Иначе, того ни в коем случае нельзя допустить. Нельзя допустить, чтобы Асил почувствовал как Владушка нам близка... И кем... Кем она на самом деле является, это я говорю для тебя Вещунья. – Зиждитель замолчал на морг, перевел взор с лица юницы и пронзительно зыркнул на склоненную голову царицы, каковая тягостно качнулась, то ли от мощи того взгляда, то ли тем самым движением указывая, что слышит Бога. – Нам надобно, чтобы Асил только глянул на девочку. Одного взгляда достаточно, а после Вещунья закрой ее собой. Ты, Двужил, коли получится, переведи взор Бога на себя. Он вельми любит твое племя и всенепременно пожелает с тобой потолковать. Тем паче, как мне известно, в этот раз по желанию малецыка Круча, собирается попросить у Воителя для прибывших людей не только ювелиров, кузнецов, но и воинов, обучающих особому ратному искусству. Словом, договоритесь меж собой, Вещунья и Двужил о ваших действиях, ибо от их слаженности, зависит слишком многое... Многое... Пояснять не буду, что именно... так как один из вас это и так поймет, а другому ведать не нужно.

– Да, Зиждитель Небо, – одновременно, ответили наставники отроковицы, лишь Бог стих.

– Итак, еще раз, – повторил старший Рас, видимо, явно беспокоясь, потому провел затрепетавшими перстами по алым устам укрытым золотыми завитками волосков. Небо за эти месяцы слегка схуднул, и еще сильнее обозначились тонкие отходящие от уголков очей морщинки на его лице. – Асил должен девочку увидеть... и все... Ни в коем случае не прощупывать, сие может вызвать боль, али неподходящую реакцию с ее стороны. Ни в коем случае не дотронуться, то просто не допустимо. – Бог теперь и вовсе словно встряхнул своим взглядом обоих глав племен, и те тягостно качнувшись, суматошливо закивали. – Теперь, ты, Дажба, малецык мой дорогой, – ласковым голосом окликнул Небо младшего сына и тот тотчас повернул голову в сторону Отца. Его кресло стояло крайним по полукругу залы, как раз супротив Словуты и подле Седми, таким побытом, чтобы любое волнение не утаилось от взора старших. – Ты, Дажба, будешь рядом... Будь внимателен... не торопись. Если, что-то пойдет не так, укроешь девочку сам. В любом случае надо не допустить, мой милый, чтобы Асил пожелал дотронуться до Владушки. Теперь опасно ее прощупывать, а дотрагиваться и того подавно. Единожды девочке может стать нехорошо, того надобно ожидать. Дажба, Асил очень умный... очень пронизательный. Прошу тебя все время помни об этом, затаись, и не позволяй себе в отношении его теплоты, иначе все наши замыслы в миг расстроятся... Будем надеяться дубокожая Атефская печница если и слышала нашу драгость, не поняла, что произошло.

– Очень мало надежды, – отозвался со своего кресла Дивный, и в голосе его прозвучала нескрываемая тревога так, что юница почувствовала ее и немедля пожелала, приникнув к Богу, прижаться. Зиждитель дотоль смотрящий на Небо, медленно повернул голову в сторону Влады и нежно ей просяив, мягко сказал, – поди... Поди ко мне девочка, коли того жаждешь, не томи себя.

Отроковица медлила совсем чуть-чуть не решаясь нарушить, как она понимала весьма важный разговор Богов, но когда Дивный протянул в ее сторону руку, не мешкая соскочила с облачного пуфика, и, несмотря на недовольство Небо, побежала к его брату. Дивный, ретиво обхватил пальцами столь малое в сравнение с его рукой плечо юницы, остановив скорую ее поступь и тем самым давая унять горячность, а после помог взобраться на свое огромное кресло, поместившееся, как и было всегда, справа от Небо. Девочка, приткнувшись к левому боку Бога, размашисто обняв, прильнула к нему не только телом, но и головой да глубоко вздохнув на маленько прикрыла очи, наслаждаясь умиротворением исходящим от Раса. Див-

ный в ответ легохонько приобнял юницу, одновременно огладив ее длинные волосы, заплетенные в косу, и спину. Прошло достаточно времени в котором по залу витало отишье, когда Владелина успокоившись, отворила очи, воззрившись на Небо сидящего несколько наискосок. Старший Рас зримо радостно, будучи удовлетворенным, столь крепкой ее связью с ними, улыбнулся Владе, и, отведя взгляд своих небесно-голубых глаз в сторону, проскользнув им по членам собственной печище, молвил:

– Будем надеяться, что нашу бесценность они хоть и слышали, но не поняли. Ведь никто не ведал, что он есть. Да и на тот момент Асил, был достаточно далеко, занят, утомлен... Однако, ты, Дажба уясни одно, если Асил догадается, слишком долго будет смотреть на нашу драгоценность, или пожелает подойти, прикоснуться. Сразу унесешь ее. Сразу и к нам в капище. А там будем думать, как поступить.

– Потом будет никак. Потом надо поступать по Закону, – огорченно вставил Седми так, точно облыжничать Асила им уже не удалось, и рывком поднялся со своего кресла, махом выпрямив спину и шагнул вперед. – Отец сказал, что это мы можем делать поколь его не будет в Млечном Пути, до его прилета. Одначе, он не позволит сего творить, когда прибудет сюда, ибо ему претит сама мысль, что мы Расы жаждем свары с Атефами, тем паче используя в том столь бесценную для него лучицу. Перший, уступил лишь потому как я его попросил... Прилети кто иной из Расов, того – да! никогда бы не было молвлено.

Видимо, Седми говорил всего-навсе мысленно, або кроме Зиждителей его молвь ни Владу, на Вещунья Мудрая, ни Двужил, ни услышали. Он сделал несколько шагов вперед, тем движением отрезая сидящих Богов от стоящих альвинки и гомозуля, и остановившись подле кресла Словуты, застыл в напряженной позе, верно, он жаждал как никто иной облыжничать Асила и Перший чувствуя это, посеми и уступил.

– Мы, знаем, это Седми, – по теплому протянул Небо, або ведал как дорог его старший сын брату. – Вещунья, Двужил, – малеша погода сызнава, принялся толковать Бог. – Полетите на кологривах, завтра с утра... Как раз в десять дней достигните континента предназначенного отпрыскам Асила и указанного на нем места встречи. Владушку в положенное время доставит Дажба, ее бесценное здоровье, как и ее саму не будем подвергать перегрузкам. Кажется это все, что я хотел сказать... Подробности еще раз после обсудите с Дажбой. Ах, да, вот еще что! – мгновение спустя торопко добавил он. – На эти дни, что девочка останется без твоего догляду Вещунья назначишь вместо себя Травницу, она очень ей нравится. Вероятно, тебя не надобно учить, какие ты оставишь распоряжения Травнице по поводу нашей драгоценности... – Царица резко качнула головой, словно шея у нее стала окаменевшей. Однако Небо не заметив того движения, пояснил, несомненно тревожась за отроковицу, – чтобы исполняла все желание нашей девочки, следила за питанием, отвлекала от беспокойства... беседовала. Коли, что не так сразу извещала о том Бога Дажбу.

– Да, Зиждитель Небо, так и будет, – дрогнувшим голосом отозвалась Вещунья Мудрая.

– Хорошо, тогда идите, – все тем же обеспокоенным тоном протянул старший Рас, вроде, и, не слыша трепета царицы и пронзительно следя взором за изменяющимся цветом кожи стоящего Седми.

Владелина тотчас, как и наставники, встрепенулась под боком у Дивного, собираясь исполнить указанное старшим Богом, но тот приметив ее движение, негромко заметил:

– А, ты, моя дорогая девочка останься. Нам надо с тобой еще потолковать.

Юница немедля приняла прежнюю позу, и, еще крепче обхватила руками бок Бога, ощутив под его слегка изогнутой рукой огибающей ее спину и тело, столько родного, близкого и одновременно заботливого, что наново сомкнула глаза, словно собираясь уснуть. Такое ощущение... ощущение слабости и вроде невесомости Влада почасту чувствовала подле Зиждителей, успокоение не только плоти, а чего-то более значимого живущего, обитающего в ней.

Вещунья Мудрая и Двужил, меж тем поклонившись Богам, покинули залу, пропав в желтоватой завесе, и только это произошло, Небо хоть и мягко, впрочем, достаточно властно произнес, обращаясь к старшему сыну:

– Седми, прошу тебя, присядь. Не должно тебе так тревожиться... коли тягостно справляться с тем, надо отбыть в помощь Воителю. Мы тут справимся и без тебя, ибо смотреть как ты себя теребишь, вельми тягостно мне. И это беспокойство вредно для тебя, мой милый. Ты, днесь себя накрутишь им, как делаешь не раз, а я потом выслушиваю подолгу назидания от Першего. Каковой считает, что я не умею с тобой себя вести и до сих пор не научился тебя понимать. Прошу тебя, малецык, умиротворись... Ноне я сие творю в первую очередь из-за тебя. Або помню как тяжело ты переживал, когда тебя облыжничал Асил. Потому ты должен вести себя ровнее, степеннее али иначе, я прямо сейчас, все это прекращу.

– Нет, нет. Не надобно, Отец, – торопливо откликнулся Седми и кожа его дотоль растерявшая золотое сияние и приобретшая легкую алость, в морг окрасилась в белые тона. Бог развернувшись, немедля направился к своему креслу и воссев на него, весьма мягко взглянул на Небо, что делал не часто, – я успокоюсь, как ты велишь... Уже.

Старший Рас и вовсе широко просиял улыбкой, по-видимому, его радовало и согласие Седми и то, что он назвал его Отцом, что происходило вельми редко. Небо еще немного глядел на старшего, такого непокорного сына, а после перевел взор на Владу и все еще сияя, сказал, обращаясь теперь только к ней:

– Девочка моя, посмотри на меня, – юница немедленно открыла глаза и зыркнула на Бога. – Послушай теперь меня также внимательно, как доселе слушали наставники и Дажба... Послушай и выполни все как я прошу. Неукоснительно, строго как я скажу, чтоб не получилось как с антропоморфом. – Это было волшебное слово, после которого Влада начала безоговорочно слушаться, правда при сем дуже кривила свои полные губы. – Станешь выполнять на встрече с Асилом, куда вы прибудете с Дажбой, все, что скажет Вещунья. Встанешь подле нее и будешь держать за руку. В глаза Асила или членов его печищи не смотри, ты слышишь?

– Да, Отец, слышу, – прошептала отроковица, вроде ощущая испытываемое Богом волнение, которое наполняя залу, витало ноне и окрест нее.

– В глаза не смотри, сразу переведешь взор на Огня или Дажбу, – продолжил все тем же мало скрываемым, беспокойным тоном старший Рас, при том стараясь не выпустить из своего пристального взгляда движения юницы. – На Огня и Дажбу. Коль ты почувствуешь какое-то смятение в голове, тревогу сразу скажешь о том Словуте.

– Словуте? Словута тоже будет с нами? – изумленно переспросила Влада.

Девочка, сызнова встрепенувшись под рукой Зиждителя, стремительно перевела взор с лица Небо на сидящего справа от нее Словуту, в венце которого серебряно-золотой сокол резко вздрогнул всем телом и золотисто-желтые, вроде каменные лапы с мощными пальцами и в завершие их когтями торопливо сжались, а погода медленно раскрылись.

– Подле тебя всегда мои порученцы, оные слышат каждое твое слово, вздох аль просьбу, – благодушно пробасил Словута и чуть зримо улыбнулся, поелику скрытые под густыми усами губы легохонько колыхнули ковыльные волоски. – А когда ты поедешь на встречу я буду в капище. Буду приглядывать за тобой, потому немедля почувствую твою смурь... услышу твой стон... молвь.

– Скажешь Словуте. – Небо вроде и не заметил как сын Дивного и девушка перебрисились словами, потому они еще не смолкли, а он продолжил, – именно Словуте и скажешь. Ни Дажбе, аль Огню, ни Вещунье, а именно Словуте... Так и скажешь «мне не хорошо», «туго дышать», «болит голова».

– Не пойму, – пожимая плечами, и теперь отстраняясь от Дивного, проронила девочка и качнула головой так, что заблестали в ее венке, пролегающем по лбу на изящных золотых

листочках зеленые в тон ее глазам изумруды. – Так Дажба со мной поедет, но стоять подле не будет?

– Он будет недалеко, – пояснил вельми медленно, делая большие промежутки между слов старший Рас. – Дажба станет скрывать тебя от мощи Асила таким образом, чтобы тот не приметил нашей связи и родственности. Потому пожаловаться ты ему не сможешь. Одначе, тебя будет слышать Словута. Он и услышит, и почувствует твою тревогу, твою томление. Главное, моя милая девочка, чтобы ты сама не пожелала подойти к Асилу... не заговорила с ним. Сейчас ты так горишь... так сияешь, стоит тебе обратить его внимание на себя, сделать неверный шаг и...

– Он, что тоже меня украдет, как антропоморф, – перебивая толкование Бога, испуганно вскрикнула юница, и, прижавшись к Дивному, уткнулась в него не только телом, но и лицом. – Тогда я не пойду! Нет!.. Нет!.. не хочу, чтобы меня от вас! от вас!

– Нет! Нет! Успокойся! Умиротворись! – нежно дыхнул ей в голову, склонившись, Дивный и любовно прикоснулся к волосам. – Он не заберет. Никто ему не позволит. Да и он сам никогда не станет тебе вредить. Никак не обидит, ни заденет, как антропоморф. Асил может захотеть токмо потолковать с тобой, прикоснуться... Однако, того нельзя допускать, ни ему, ни тебе. Потому как, моя драгоценная, в тебе тоже может возникнуть данное желание. И если оно появится. Ежели нежданно затоскуешь, скажешь о том Словуте, только конечно не открывая рта, не озвучивая свои мысли вслух.

– Владушка, девочка моя, подойди ко мне, – позвал девушку Небо и голос его дернулся так протяжно и звонко, точно порвалась натянутая на гусях, на которых научила играть Златовласа Травница Пречудная, тугая струна.

Владелина поцеловала Дивного в рубаху прикоснувшись через тонкую белую материю к бело-золотистой коже и выпорхнув из его объятий, враз прыгнула с кресла на пол, кажется, одновременно шагнув в направлении старшего Раса.

– Только не спеши, иди не торопясь, – добавил Небо узрев суетливость движений юницы.

Та немедля остановилась, на немного замерев на месте, глубоко вздохнула и вже пошла более размеренной поступью. Влада приблизилась к старшему Расу, и, встав обок с ним подняв голову, всмотрелась в столь дорогое ей лицо Зиждителя.

– Ты поняла? Уяснила, как себя должна вести? – спросил Небо, озаряя девочку светом своих очей, или то просто заголубел раскинувшийся над залом свод, где мутно-голубые облака покрылись россыпью прозрачных капель воды.

Девушка сызнава, кивнула и вздела вверх правую руку, желая коснуться Бога. Небо незамедлительно обхватил перстами кисть девочки, поглотив ее вплоть до запястья, и вновь с расстановкой неторопко произнес:

– Итак, моя драгость, повторим. В глаза, лицо Асила и членов его печици не смотришь... Как только скажет Вещунья укрыться за ней, сразу исполнишь. Руку Вещуньи не выпускай. На вопросы Асила не отвечай, не позволяй ему себя коснуться и сама подави сие желание в себе. Смотришь только на Огня и Дажбу и если, что затеплится в голове позовешь Словуту... И еще...

– А ты, опять куда-то отбудешь? – наново перебивая Зиждителя тревожно поспрашала Владу, и туго вздохнула.

– Да, меня не будет, какое-то время. Но я скоро вернусь, – успокаивающе протянул старший Рас и так как отроковица снова открыла рот, желая, что-то спросить несильно качнул головой... не столько повелевая, сколь прося выслушать его до конца. – Я прибуду, когда ты вернешься, чтобы побыть подле и успокоить. Мне, поверь, моя радость, это очень надобно. Но более мне надо, чтобы ты выполнила все как я тебя прошу.

– Отец, – вклинился в речь Бога Дажба, которому также как и Владе, многое позволялось и многое не замечалось и не только старшими Зиждителями, Отцами, но и более младшими. – Я все повторю нашей девочке перед встречей с Асилом, не тревожься.

– Благодарю, малецык, – тихонько отозвался Небо так, что те слова отроковица не услышала, видимо, они прозвучали также мысленно и предназначались лишь сыну. – Присядь, моя бесценная, – мягко проронил старший Рас, и, немедля подхватив юницу подмышки, посадил себе на колени, одновременно прижав к груди. – Помнишь я когда-то обещал, что ты увидишь море? – спросил Бог и узрев кивок, дополнил, – Дажба тебе покажет море... То самое какое ты так долго желала увидеть.

Девочка нежданно резко засмеялась, и, вскинув вверх голову, уставилась на округлый подбородок Бога, обрамленный выющийся золотой бородой до груди, определенно, жаждая сквозь ту густоту лицезреть все его лицо. Тот жизненный смех, не столь часто вырывающийся из уст Влады, по всему вероятно, заколыхал и сами курчавые отдельные волоски бороды Небо и объемные подлокотники кресла, где словно в сетчатых переплетениях виделись крупные плотные комки, напоминающие по форме лесные орехи.

– Ах, Отец, – дюже довольно откликнулась Владелина, – так я уже видела море. Тогда, когда меня похитил антропоморф и я от него убежала. Я выскочила из пещеры, где он меня прятал, и увидела перед собой безбрежную черную даль воды соприкасающуюся с темно-марным небом... И обманулась в своих мечтаниях. Ибо море не было столь прекрасно, как небо и смотрелось совсем темным, без блеска серебристых звездных светил, каковые я так люблю.

– Ты мне о том сказывала, – протянул со своего кресла Дажба и широко засияли улыбкой его уста, озарившие долгие кончики усов заплетенных в косичку. – Но сие море ты видела ночью, всего-навсе одним мгновением в котором тебе в спину дышал антропоморф... Днесь ты увидишь море днем и поймешь как оно прекрасно.

– Прекрасно? – повторила девушка, переводя взор на младшего Раса. – Точно также как небо и кланяющиеся малыми головками трав бескрайние дали елани?

– Также, а быть может еще лучше, – вторил певучему вопросу девочки лирический баритон Дажбы.

И от той нежности то ли к величественной в своей красе природе, то ли к божественному творению, Владе, поплыла по залу мелодия, будто наигрыш умелых перст душевно перебирающих струны гуслей.

Глава вторая

– Вуечка, – тихонечко позвала Владелина духа, повязывающего поверх ее белой с разрезом впереди, украшенной вышивкой, льняной рубахи, цветастый кушак с длинными бахромами на концах, таковой какой она уже и не носила. – И серьгу надобно снять?

– Все, все лапушка, – гулко отозвался дух, оглаживая книзу концы кушака. – Зиждитель Дажба велел все снять: серьгу, цепочку, браслеты, кольцо. Одеть в простые вещи, чтобы ничем не отличалась от иных мальчиков поселений.

– Теперь это уже не так легко скрыть, – усмехнувшись, молвила Владу взглядом указывая на свою грудь, топорщившуюся с под материи рубахи. – Да и потом у меня у одной длинные волосы, у всех короткие.

Дух и девочка стояли в своей четырехстенной избе, где слева от двери за неширокой матерчатой завесой ограждающей квадратом угол находилась куть, на полках которой располагались чугунки, мисы и разной формы бочкары. Справа же от двери поместилась широкая деревянная кровать, устланная шелковой простыней и легким одеялом, мягкими, струящимися да точно подстраивающимися под ощущения плоти, как и понятно, все принесенное Вещуньей Мудрой. Напротив двери, как и прежде, стоял широкий стол на полозьях и две переносные лавки, на которых правда юница не сидела. Для нее, также по распоряжению Бога Дажбы (каковой велел альвам окружить девочку особой заботой) плотники сделали стул с высоким ослоном, подлокотниками, обитый мягкой тканевой холстиной.

Владелина при помощи Выхованка принялась медленно сымать с рук браслеты, с пальца кольцо, с шеи цепочку и серьгу из левой мочки, чуть слышно и словно огорченно дохнув:

– Надеюсь, меня не заставят состричь волосы.

– Нет, – торопливо отозвался дух, и голова его засветилась голубоватым светом, тем самым успокаивая отроковицу. – Все отдам, как только, лапушка возвратишься, – указывая светом очей, на дары, лежащие на столешнице, добавил он.

Удалой дотоль почивающий подле ложа девочки, резко вскинул заднюю лапу и почесал свое длинное ухо, а погода раскатисто зевнул.

– Ты только не обижай его. Удалого, коли я задержусь, – просящее проронила Влада и взяла со стола принесенный духом от альвинок красный плащ-накидку, носимый в поселении лишь мальчиками.

Это было шерстяное одеяние, величаемое балахна, с прямой спиной на вроде рубахи, только с короткими рукавами, без капюшона и весьма длинное, подол коего дотягивался до края низких, мягких сапог. Балахна застегивалась стыком краев на груди при помощи загнутых крючков, а по краю подола и рукавов была оторочена белой лентой, дюже удачно прикрывающей небольшую грудь девушки. Серые шаровары одетые на отроковицу, ноне и впрямь мало чем отличали ее от отроков поселения... Быть может только миловидностью и нежностью черт за это лето, словно отточивших ее женскую суть.

– Конечно, не обижу, – ласково ответил Выхованок, поправляя на плечах любимицы балахну, и чуть слышно цыкнул в сторону собаки и вовсе наполнившей помещение довольным раскатистым стоном.

В избу открыв дверь вошла Травница Пречудная, улыбнувшись не только юнице, духу, но, кажется, и Удалому резво вскочившему на ноги и шибутно замотавшему туды-сюды своим долгим хвостом. Вещунья Мудрая никогда не позволяла собаке, спать в избе, изредка уступая просьбе девушки бывать тут. Однако, после отъезда царицы, тот запрет как-то сам по себе иссяк. Потому как ни Выхованок, ни тем паче Травница Пречудная не стали оспаривать просьбу девочки оставить в избе Удалого.

– Знаешь, Травница Пречудная, – сказала юница, неотступно наблюдая за покачивающимся хвостом собаки. – А вот ежели б у Удалого имелся короткий хвост, ему было бы, верно, легче на охоте. Да и мне не приходилось потом дедовник с него сымать.

– Что ж, очень разумно ты это заметила, – немедля откликнулась своим нежным, чистым голосом сподвижница царицы, все эти дни приглядывающая за отроковицей.

Альвинка шагнула к девочке и поправила полы плаща на ней, запахивая их так, чтобы скрыть грудь и, судя по всему, оглядела сняла ли та дары, ласково проведя по маленькой дырочке в левой мочке, точно единящей их обоих, ибо в ее ушке поместился квадратный голубоватый камушек. Ее мягкие черты лица, вроде она была сама отроковица, с полными в отличие от соплеменниц губами и весьма крупными очами, в белизне которых порой кружились веретенообразные золотые лучи, придавали Травнице Пречудной особую красоту и схожую с Владой хрупкость.

– Ну, что ты готова, моя милая, – легохонько пропела альвинка.

Ее голос почасту звучал тягучей песней, так как она дюже любила играть на гуслих и подтягивать тому наигрышу собственным голосом. Владелина не мешкая отозвалась кивком.

– Хорошо. Пойдем тогда. Я отведу тебя к капищу. Зиждитель Дажба уже ждет, – дополнила свою тягучую речь сподвижница царицы и протянула к девушке четырехпалую, худенькую и как казалось просвечивающуюся насквозь руку, где под кожей, вроде и не было плоти аль костей.

Влада нежно улыбнулась Выхованку и вложив в длань Травницы Пречудной свою руку, вслед за ней шагнул к выходу из избы.

– Удалой лежать, оставайся дома, – строго указала девочка собаке, отправившейся следом, видимо, решившей прогуляться.

Удалой недовольно потряс головой и чуть слышно взвизгнул. Однако спорить не стал и воспользовался столь редко предоставляемым ему правом побыть, поспать в избе, потому проворно пристроил зад на прежнее место обок ложа.

Альвинка и девочка меж тем вышли из избы на двор, где вже зачинался новый день. И солнце, в конце месяца нового лета, поднимающееся на небосвод весьма рано уже озарило белизной сам его окоем, раскрасив узкую полосу с востока в золото-алые полутона. Ярчайше блеснула крупинка света висящая в небесах, и Влада уже вышедшая на мощенную дорогу, резко остановилась, ощутив стремительно навалившуюся, не только на внутренности, но и в целом на всю плоть, острую смурь, отдавшуюся неожиданно легким томлением в голове.

– Ты, что Владушка? – беспокойно спрашивала сподвижница царицы и оглядев девочку с головы до ног, настойчиво потянула на себя.

– Та искра блеснула... видела..., – прошептала юница, кивая вздетой головой на небо и чувствуя мощную рябь волнения, пробежавшую в голове и выплеснувшуюся скрипением в ушах.

– Видела, пойдем. Зиждитель Дажба будет на меня сердиться, ибо повелел привести тебя до того как блеснет та искра, – спешно молвила Травница Пречудная и с тем еще настойчивее потянула вяло шагающую девушку за собой.

– Ох! – взволнованно вскрикнула Владелина, и тотчас остановилась. – Мы забыли взять венки болярины.

– Нет, венки Зиждитель Дажба велел не брать, – успокоительно пояснила альвинка, и, оглянувшись на стоящую юницу, широко просияла. – Пойдем... пойдем, – добавила она уже точно того выпрашивая, – покуда все не началось.

И Владелина послушно ступив вперед, поравнялась с Травницей Пречудной да направилась к капищу. Вмале они преодолели разделяющее расстояние до ковчега, и подошли к каменной площадке окружающей строение по коло. Поселение уже начало мало-помалу просыпаться, поколь пробудились духи те самые, оные следили за скотом и снабжали молоком,

сыром, мясом жителей Лесных Полян и принялись выполнять, вместе с приставленными к ним мальчиками, свои обязанности. Кое-где уже курился дымок от каменных печурок, на которых готовилась снедь.

На пятачке пред завесой в капище стоял Дажба, обряженный в красную рубаху, тесно облегающую тело и доходящую до лодыжек, обутый в серебряные сандалии. Пластинчатый, платиновый пояс, собранный из круглых блях с покоившимися на них алмазами, множество серебряных браслетов на руках и ногах украшали Бога. Широкое ожерелье из платины и красных рубинов да светло-коричневых алмазов огибало шею. А высокий венец, каковой он одевал редко и лишь по каким-то значимым моментам в жизни поселения, али бытия Богов, напоминающий усеченный конус, тревожно перемигивался то белым, то красным цветом. Неотступно следя взглядом за поднимающейся по лестнице юнице, Рас протянул ей навстречу свою тонкую, исхудавшую с белой кожей, подсвеченной золотым сиянием, руку и тотчас Травница Пречудная выпустила ладошку Влады, и, остановившись, преклонила голову.

– Я, кажется, повелел привести девочку раньше, – на удивление вельми сурово проронил Бог, что случилось с ним нечасто.

– Это я никак не могла подняться Дажба, – вступилась за альвинку девушка, вкладывая свою руку в подставленную длань Зиждителя. – Никак не могла.

– Не должно было вчера допоздна смотреть на небо, – голос младшего Раса разком смягчился, только он заговорил с отроковицей и очи его наполнились теплотой в отношении нее. Бог нежно сжал ладошку Владелины в своей руке и очень тихо дополнил так, чтобы слышала лишь она одна, – ведь Отец просил тебя беречь свое здоровье... Ложиться пораньше.

– Я не могла уснуть, – также чуть слышно отозвалась девочка, и щеки ее слегка покраснели, задетые лучами поднимающегося на небосклон солнца. – Потому и вышла на двор.

Дажба малозаметно повел головой в бок, повелевая сподвижнице царицы уходить, а сам направился с отроковицей к желтоватой завесе, теперь и вовсе всего-навсе прошептав:

– Днесь мы зайдем с тобой в завесу. И как когда-то было с Седми окажемся там где надо. Ты только не пугайся, хорошо?

– Хорошо, Дажба, – губы Влады, похоже, и не шевельнулись, когда густое испарение поглотило их тела.

Плотный желтоватый пар сжал тело девочки со всех сторон и резко вскинул ввысь, словно скомпоновав ее в рдяную искру, в которую также обратился Дажба. Еще мгновение и рывком горячего дуновения пронеслось мимо пространство, а потом также моментально проступил яркий свет наполнивший голубизной раскинувшееся над ними небо. Ноги юницы наткнулись на твердую почву. И Владу тотчас разглядела перед собой красную материю рубахи Дажбы. Дуже громко заклекотали соколы, кружащие в голубом небосводе, уже явственно освещенном солнцем. Ярчайшая искра наново насыщено блеснула, и по волосам отроковицы прокатилось веяние ветра, а плоть туго сотряслась от желания воспорить в вышину небес.

– Бесценная моя девочка, – торопко молвил Дажба, и, склонившись к лицу Владелины, ласково прикоснулся ко лбу, снимая там чувство тревоги. – У нас с тобой еще есть время до прибытия Асила и Огня, потому я и принес тебя сюда.

Высокая, побуревшая трава густо устилающая здесь землю и доходящая юнице почти до пояса стлалась намного вперед... И там дальше просматривались невысокие холмы плавно переходящие в ложбины поросшие низкими деревцами и кустарниками. Зиждитель бережно обхватил плечи девушки руками и повернул ее. И не мешкая высокие травы, прилегли к оземь, а Влада увидела пред собой резко оканчивающийся высокий брег и раскинувшуюся за тем рубежом голубо-синюю прозрачность вод, смыкающихся в дали с более темной полосой лазурно-голубого небосвода. Девочка легкохонько повела плечами сбрасывая с них ладони Бога, и когда тот выпустил ее из объятий, неспешно тронулась вперед, ступая мягкими подошвами сапог на прилегшие все еще зеленые травы, впрочем, уже с кажущимися подсохшие угловатые

края. Дойдя почти до самого окоема берега, Владелина остановилась в шаге от его края, что узким выступающим своим концом нависал над далью моря. Обрывчатая стена из глинистого слоя весьма потрескавшегося, прорезанного широкими бороздами и щелями, местами поросла низкими зелеными травами, поддерживала тот самый уступ на оном ноне стояли человек и Бог. Уходя на много вдаль, как вправо, так и влево, она, одновременно, близко подступала к грани моря, оставляя меж рубежом земли и воды тонкую полосу песчаного берега. На тот небольшой промежуток желтовато-песочного песьяна, выкатывались малые волны. Они точно ласкались с песком, полюбовно оглаживая их край и медлительно скатываясь с песьяна, наново соединялись с себе подобными. Голубо-синяя даль моря была спокойна, легохонько шевеля своими водами, порой где-то в той бескрайней залащенности вскидывались вверх низкие белые гривы, также торопко ныряющие в недра моря и затихающие в его глубинах.

Невысоко над морем кружили большие белые птицы. Их гулкие голоса в царящей кругом относительной тишине раздавались так явственно, что отроковице показалось, кроме нее и этих птиц, внезапно резко опадающих к морской глади и выхватывающих из ее глубин серебристых рыб, никого более и нет... Нет! не просто на этом берегу, а и в целом на планете Земля. Неотрывная морская вода иным своим краем подходила к небу, вернее молвить, входило в него так плотно, что проступала лишь неясная черта того стыка. Само небо было озарено ясными лучами солнца показывающего занятым своим местом полдень. В воздухе столь чистом, и словно слегка присыпанным соленостью стояла бездвижность. Теплые лучи звезды Солнце пригревали столь рьяно, что Дажба шагнувший ближе к девочке, положил ей на голову ладонь, стараясь укрыть от той горячности. Влада видела, как точно живое дышало своими гладкими, иноредь вспенивающимися водами, море и слышала едва различимое перешептывание слабых волнений вод голубящихся с землей.

– Красиво? – вторгся в зачарованность девушки Дажба.

– Очень, – прошептала юница, страхась нарушить покой увиденного.

– Я всегда любил море, – с легкой грустью в голосе проронил младший Рас. – Его спокойствие, не суетность аль вспять волнение, тревогу. Живое, дышащее существо, то радующееся жизни, то тоскующее от собственной замкнутости.

Искра в небесах снова лучисто блеснула, враз озарив всю лазурь небосвода, и единожды наполнила плоть Влады слабостью и смурью, от каковой нежданно захотелось заплакать. Отроковица неспешно вздела голову, взглянула на тот свет, а после вновь воззрившись в морскую даль, сверху будто сбрызнутую теми лучами пролеглившими по синей воде, опустила на землю. Она согнула ноги в коленях, и, обняв руками, пристроила подбородок на них. Неотступно следя за меняющимся цветом синевы на воде и стараясь справиться с желанием заплакать.

– А можно мне покупаться? – спросила она, не очень-то надеясь, что позволят, иначе, непременно, жажда отвлечь себя тем поспрашание от тоски.

– Вода в море соленая, не такая как в реке, – молвил Дажба и сам торопко присел подле девочки, верно почувствовав ее тягостное состояние. Бог ласково приобнял Владу за плечи, поцеловал в макушку и своей нависающей фигурой загородил от палящих лучей солнца. – Только не сейчас, – добавил он, отвечая на ее вопрос. – Если все пройдет гладко, я верну тебя сюда, и ты искупаешься, – дополнил Бог, и отроковица услышав обещание, нежно улыбнулась. – Ты только выполни все, так как велел Отец, хорошо моя дорогая девочка?

А белые большие птицы, вроде вторя закружившим над Зиждителем и юницей соколам, носились над той безбрежной гладью моря, выхватывая из нее поблескивающих чешуей рыб, рассекая воздух мощными крылами и, похоже, даже не замечая той божественной красоты, что перекачивая волнением, несла на себе голубо-синие воды.

Откуда-то издалека долетел едва слышимый клекот соколов, пронзительное дуновение ветра, кажется, наполнило Владелину изнутри, а миг погода перед ней вырос чудной лес.

По первому те зеленые нивы напомнили окружающие Лесные Поляны, но сие лишь показалось и только вначале.

Дажба неспешно спустил отроковицу с рук, на коих дотоль держал, крепко прижимая к груди, унося с берега моря, и поставил на землю, при том нежно огладив влажмоченные концы волос в хвосте. Оказавшись на оземи, Влада перво-наперво огляделась. Они стояли на невысокой покрытой чернолесьем горе, почти у ее подножия. В нескольких шагах от них протекал ручей, он зазвончато журча, перемешивался каплями воды с устланным гладкими гольшами дном, подступы к которому охраняли здоровущие камни, сверху обряженные в ярко зеленые мхи. Деревя дуба, каштана, клена, ясеня столь знакомые юнице росли вперемешку с иными никогда досель ею незримыми, а потому дюже удивительными. Там просматривались деревья с прямыми стволами, покрытые серо-зеленой в белые бороздки корой, и овальными очертаниями крон. На бурых ветвях оных висели зеленые листья, состоящие из четырех лопастей, точно сложенных меж собой. Не менее чудными были невысокие с весьма толстыми стволами деревья, чья конусовидная, густая крона держала на себе, вроде стягов то продолговатые, а то с заостренными концами гладкие, кожистые сверху и бурые снизу, слегка опушенные листья.

Также плотно, как и деревья подступали, обхватывая, прижимаясь, тулясь к самому ручью, кустарники с пепельно-седой, бороздчатой корой и с раскидистыми ветвями на которых долгие, схожие с яйцами, листья смотрелись недвижно замершими. Еще одни кустарники с ярко-зелеными листьями, как у березы тока много, много крупнее в размахе, сменялись плотными рядами иных. С мудреными, будто покрытыми густой волосней стволами и острыми широкими зелеными листьями сверху, и серовато-опушенными снизу. Не менее густо стояли в том чернолесье растущие под покровом травы, папоротники с перистыми плотными листьями в очертании точь-в-точь, как треугольники, всевозможные плетущиеся растения.

Непроницаемые кроны деревьев не давали возможности проникнуть в глубины леса лучам солнца, и потому под его пологом царил сумрак, в котором, плыла голубоватая дымка. Весьма прохладное дуновение ветра, разком пробежав по верхушкам деревьев единожды опустившись книзу охватило и все тело Влады. Насыщенность красок, юности и наполненности иными звуками птиц и зверей леса показалась девочке всего-навсе давешним пробуждением природы от сна.

Очищенная от травы и кустов ровная площадка, где стояли Дажба и Владелина, явственно живописала утопанную буро-коричневую с красноватым отливом почву. От той самой площадки вниз к подножию горы, скрываемому густыми стенами деревьев, пролегал узкая тропа, по которой торопливо поднималась вверх Вещунья Мудрая. В воздухе промеж ветвей все еще виделись мелькающие крылья соколов.

– А разве Бог Асил не увидит птиц? – спросила девочка и неспешно перевела взор с синевы неба, едва проскальзывающего в прорехах кроны деревьев на лицо младшего Раса.

– Нынче, кроме тебя и Вещуньи Мудрой их никто не увидит, – пояснил медлительно Дажба, ласково проводя перстами по худым плечикам отроковицы. – Ты помнишь, что должна исполнить Владушка? – поспрашал Бог и в голосе его слышалось трепыхание, столь как чудилось юнице не свойственное ему.

– Я боюсь, – довольно-таки тихо проронила девушка, уловив волнение в Зиждителе... не только услышав, но и ощутив его через прикосновение к своим плечам. – Вдруг... вдруг, что-то пойдет не так. И Отец будет на меня сердчать?

– Нет, – глас Дажбы моментально окреп и днесь он огладил ее дланью по голове, приглубив там волосы. – Серчать не будет, никогда. Отец очень... очень тебя любит. Ты, просто, моя милая, держись крепко за руку Вещуньи Мудрой и слушай, что будет говорить через порученцев Словута.

– Зачем... зачем я туда должна идти, – тревога Влады нарастала с каждым торопким шагом царицы, а вместе с тем насыщеннее становилась белая полоса, вырвавшаяся из брызги

и стремящаяся к планете Земля. – Можно я не пойду, Дажба. Я не хочу, боюсь... А вдруг этот Бог Асил заберет меня от вас и тогда я... я...

– Тише, тише, – ласково произнес младший Рас и медлительно опустился на присядки. Он, притянув к себе девочку, нежно прижал к груди, и вовсе полюбовно поцеловал ее в макушку, лоб, очи, и сызнава в макушку. – Он тебя не заберет. Ни в коем случае не навредит, не обидит. Он даже не решится прикоснуться, ежели ты того не позволишь... Али не пожелаешь. Но ты ведь не пожелаешь? – юница суетливо качнула головой и уткнув лоб в плечо Дажбы, туго вздохнула. Не представляя себе, как сможет любить кого-то больше, чем Отца, и ощущая мощную зависимость от него, иноредь какую-то даже болезненную. – Все будет хорошо, моя драгоценность... не бойся... Да и потом я ведь буду рядом, – продолжил успокаивающе Бог. – Сейчас ты пойдешь с Вещуньей Мудрой, а меня увидишь точно выходящим из гарана. Это похожее на капище судно, на оном прилетит Асил со своей печищей.

Царица, меж тем подошедшая к Богу и девочке, застыла на месте, низко склонив голову, увитую нынче и вовсе чудными переплетениями кос, напоминающих огромную ракушку.

– Вещунья Мудрая, – молвил Дажба, и, поцеловав в очи Владу, наконец, выпустил из объятий. Он, неспешно поднявшись, испрямился и зыркнув сверху вниз на царицу дополнил, – Боги вельми на тебя надеются.

– Да, Зиждитель Дажба, – немедля откликнулась альвинка и несколько раз тягостно качнула головой так, что в левой ее мочке заколыхался туды-сюды на продолговатой цепочке каплевидный, прозрачно-белый самоцветный камушек, густо вспыхнувший в пробившемся солнечном лучике всем цветами радуги.

– Береги нашу, драгость, чтобы с девочкой ничего не случилось, – сие уже звучала не просьба, а повеление и в нем было столько мощи, что заколебалась листва у ближайших деревьев.

Бог еще раз огладил юницу по голове, и, развернув легохонько подтолкнув к царице, мягко произнес:

– Ну, иди, моя бесценна Владушка, я буду подле.

Девочка вновь туго вздохнула, ощущая непонятное томление в голове и легкое покалывание от волнения в сердце и когда царица протянула ей руку, поспешно схватилась за нее... Точно в длани Вещуньи Мудрой стараясь найти опору, а засим не мешкая тронулась в след за наставницей вниз к подошве горы. Отроковица еще раз обернулась и в серовой дымке увидела, как нежданно Дажба пропал с места, яркой рдяной искрой блеснув в блекло-желтоватом луче солнца, пробившегося сквозь кроны деревьев. И немедля на девушку навалился такой страх, что захотелось остановиться и никуда более не ступить.

«Все хорошо... хорошо, моя милая, девочка, моя драгость... Я подле!» – торопливо прошелестело в голове Влады глас Словуты и гулко заклекотали соколы в кронах деревьев, несомненно, вторя ему.

– Вещунья Мудрая, – позвала наставницу Владелина шепотом и порывчато вздрогнула, днесь еще сильнее ощутив царящую в лесу прохладу. – Здесь деревья словно недавно пробутились... Погляди листва такая нежная, зеленая.

– Да, – оглядываясь и беспокойно обозревая юницу, отозвалась царица, видимо, почувствовав, как та вздрогнула. – Здесь природа переживает иные времена лето, и, роняя листву полностью, замирает на какой-то срок, лишь погода оживая новыми побегами. Ты продрогла? – спросила она, узрев как девочка озябшее повела плечами.

– Ага, тут прохладно... или сыро... – протянула Владелина.

Вещунья Мудрая незамедлительно остановилась, и, сдвинув стыки балахны, застегнула на ней все крючки.

– Вскоре будем внизу, там многожды теплее, – заботливо молвила царица и в ее белых очах затеплились тонкие лоскутки золотистого света.

– Смотри... цветет, – дыхнула юница, стараясь отвлечься от тяжелых мыслей и указала перстом на растение.

То невысокое растеньице притулившееся обок торенки с крупными, трижды рассеченными листьями и мелким розоватым цветком, собранным в виде простых кистей, смотрелось таким хрупким, обойденным радостью, что его хотелось приглубить аль пожалеть.

– Это воронец, – шибутно пояснила Вещунья Мудрая, оправляя на девушке балахну и только мельком взглянув на траву. – Ядовитое растение при употреблении оно может вызвать тошноту, рвоту и боли в животе. Не надобно его трогать.

– Я и не собиралась, просто показала, – голос Владелины обидчиво дернулся. – Вещунья Мудрая, – теперь дрогнула и вся она. – Я боюсь... боюсь, что он... Бог... Бог Асил меня забереет. Что во мне не так? Почему Зиждители меня так любят? Почему Дивный подарил мне здоровье? И почему я от них так зависима?.. Почему не могу быть подолгу вдаль и так скучаю?.. И знаешь... знаешь я всегда нуждалась в том, чтобы они были рядом. И в детстве, до нападения энжея, так тосковала за ними... точно... Точно та тоска, смурь меня поедала изнутри.

– Тише, умиротворись, – нежно проворковала царица и провела ладонями по щекам отроковицы, жажда впитать в себя ее горячность.

«Успокойся! Успокойся, моя драгоценность!» – это прозвучал принесенный соколами голос Словуты.

– И мне, кажется, я стала ощущать это с тех самых пор, – уже не в силах сдерживать желание выговориться, торопко проронила Влада. – С тех пор как на небе вспламенилась та крупинка света... И я услышала зов... Меня позвали... позвали по имени... Но не как Владелину, а по-другому. И я никак... никак не могу уловить это имя, кое вроде ускользает от меня дымкой... А когда я вижу мерцание той брызги, чувствую такую горечь, словно у меня отобрали самое дорогое. То без чего невозможно жить... без чего и не надобно вовсе жить.

– Владушка, девочка моя, – теперь альвинка обняла девушку, прижав к себе, и принялась целовать в локоны волос да гладить по спине. Осознавая, что нынче, все зависит от нее, царицы белоглазых альвов, а это значит надо непременно успокоить доверенное ей чудо... доверенную ей девочку. – Ты очень близка Расам. Очень дорога всем Зиждителям, ты часть их.

– Как это? – вдыхая в себя аромат царицы, чем-то напоминающий дух распускающейся листвы, спросила отроковица. – Их клетка? Или отпрыск как Рагоза, Граб, Нег?

– Нет, много ближе... роднее... драгоценней... Что не можно оценить, с чем нет возможности расстаться, что неможно утратить, – протянула Вещунья Мудрая, и на малеша смолкла не ведая, как объяснить отроковице, уникальность ее естества. – Ноне я не смогу... Не смогу все тебе объяснить, мое чудо, – спешно продолжила она погодя, – да и вряд ли успею... Ибо Бог Асил скоро прилетит. И мы с тобой должны выполнить то, о чем тебя просил Зиждитель Небо. Однако, придет время, и истинный твой наставник, каковой должен был быть подле тебя с самого твоего первого вздоха, все... Все тебе поведаст. Я верю, это, непременно, случится. А поколь ты подле Расов наслаждайся их любовью и заботой.

– Тот зов, – уже многожды ровнее произнесла Влада, все еще желая досказать тяготившее ее. – Он вновь появился, недавно... Вчера я не могла уснуть, потому как меня звали. Я долго лежала в ложе, а после так и не уснув, вышла на двор. Я посмотрела в ночное небо и... и... тот зов прозвучал с такой мощью. Он ослепил меня так, что я увидела темную даль и вращающееся внутри нее тело похожее на веретено... увидела Галактику... Отец называет ее Дымчатый Тавр.

– Ты сказала о том Зиждителю Дажбе, – голос царицы застыл на одной волне, в нем не слышалась тревоги, однако ощущалась такое напряжение, оно в морг передалось девушке.

Потому Владелина надрывисто дернувшись, отстранившись от Вещуньи Мудрой, с волнением воззрилась в ее будто окаменевшее лицо.

– Да, сказала, – ответила Влада. – Дажба мне пояснил, что это Отец меня звал... Он прилетит в мале и я буду с ним. Дажба сказал, я просто истосковалась за Отцом... Истосковалась, –

задумчиво протянула девочка, и переведя взор, уставилась на покачивающиеся кистями воро-нец. – Потому я и боюсь увидеть Бога Асила, оно вдруг поступлю не верно и расстрою Отца. А я того, – теперь и юница качнула головой. – Того не хочу. Порой я поступаю... поступаю не так как думаю... своевольничаю, не потому что вредная и капризная, а потому как... Потому как, что-то иное... то, что сильнее меня повелевает мне так делать.

– Это все нормально, – успокоительно отозвалась Вещунья Мудрая и резко вздев голову на соколов, каковых из-за густоты крон не было видно, но весьма четко было слышно, зримо перекосила черты своего миловидного лица. По-видимому, порученцы Словуты торопили царицу. – Пусть это тебя не тревожит, – досказала она, и кивнула, судя по всему, велениям Бога. – Нынче ты только, чудо, крепче держи меня за руку. И все будет хорошо. – Наставница малеша погодила, и вновь цепко обхватив ладонь девочки, добавила, – пойдём... Зиждители нас торопят.

Владелина еще не успела отозваться, как царица, потянув ее за собой, направила их поступь вон из леса, по краю которого росли и вовсе с мощными цилиндрическими стволами дерева. Их зелено-серая кора дюже сильно отслаивалась от стволов, а крона была такой густой, что и вовсе смыкала доступ не только солнечного света к корням, но и, похоже, к раскинувшейся впереди долине. Плотные заросли кустов, кустарников и трав стояли по обе стороны от пробитой тропы, и часточко переплетаясь ветвями промеж себя, образовывали непроходимую чащобу. Выйдя из чернолесья, девочка увидела пред собой широкую и одновременно удлинённую долину, окружённую по рубежу пологими, невысокими горами с подобно бескрайне раскиданными по ним зеленым нивам.

Сама же долина была изрезана тонкими полосами узких речушек, оные сходились в ее завершие в малое, блестящее гладью озерцо. Низина густо поросла луговыми травами, все поколь низкими, вроде только давеча поднявшимися из земли. И виделись в том разнотравье: молодые побеги ковыля, метлика, пырея, тонконога. А порой целыми пластами стояли неизвестные Владой растения: с линейными, долгими листьями белыми и кремовыми полосками по поверхности; с колосками собранными в метелки; разнообразные членистые стебельки и двурядно расположенными на них листьями, напоминающие метлы, покрывающие почву густым ковром.

– Как здесь прекрасно! – обзрев столь любимые ею луговые дали, протянула Владелина, словно задыхаясь безбрежной широтой этого края, наполненностью мятно-приторным духом трав и сладким ароматом цветов. По всему вероятно, и, не примечая, раскинувшейся впереди на елани стан прибывших сюда созданий.

– Погляди, вереск! – обрадовано молвила Вещунья Мудрая, указывая на мелкий кустарник. – Это лекарственное растение, помогает при простудах, в настоях.

Вереск приветственно помахал маханькими трехгранными листочками, и рьяно потряс односторонними кистями лило-розового цвета. Девочка оглядела не только одиночное растение, присевшее в двух шагах от нее, но и целое селение, купно устилающее справа просторы луга и также как наставница, не останавливаясь, прошла мимо, переведя взор на людей, гомозулей и альвов ожидающих небольшим станом прибытия Асила.

Посланцы людских поселений поместились плотной кучкой прямо в нескольких метрах от гигантского круга, где более густая и яркая трава, чем на всем остальном луге прилегла, обрисовывая его поверхность. Так как с горы тропа шла под уклоном, спускаясь в жерло суходола, юница весьма хорошо разглядела тот круг, а в него вписанный малый треугольник, над которым пролегли точно устремленные вверх острроверхие лучи, где трава также была плотно прижата к почве. Мальчики, составляющие большинство прибывших были обряжены, как и девочка, в белые рубахи, красные балахны, серые шаровары. Их было человек тридцать, быть может больше, почти все светло-русые, с легким золотым отливом, волос как у Дажбы. У многих ребят волосы смотрелись короткими, но были и те из них, которые имели, как у Влады

длинные, стянутые в хвосты или малость короче, но тогда распущенные до плеч. Подле мальчиков находилось не только около пятнадцати гомозулей, но и не меньшее количество альвинок, которых, как первых, так и вторых представителей племен, отроковица никогда не видела в Лесных Полянах.

Вещунья Мудрая и Владелина еще не успели подойти к стану, когда в голубом небе ярко вырисовалась брызжущее светом пятнышко, и сие уже были весьма далекие от искры пежины. Мало-помалу они увеличивались и будто выбрасывали в разные направления белые ребристые полосы. Двужил узрев шагающих царицу и девочку отделившись от иных гомозулей, торопливо поспешил навстречу, и, по-видимому, приветственно улыбнулся, ибо враз его два раскосых глаза превратились в тонюсенькие щели, и легохонько затрепетал мясистый нос.

– Здравствуй Владелина, – ласково назвал он свою, теперь уже однозначно бывшую, ученицу. – Как ты?

– Все хорошо, – отозвалась девочка, стараясь теми словами придать себе уверенности и не смея при Двужиле проявлять слабость какую позволяла с царицей и Богами.

– Мальчики готовы? – взволнованность в голосе Вещуньи Мудрой возростала, однако в теле... в руке, что держала бесценную отроковицу того не было.

– Да, все готовы. И все как мы договорились, – кивая, откликнулся Двужил, и купно заколыхалась его рыжая с красноватым оттенком шевелюра, определенно, глава гомозуль также сильно волновался, как и царица.

– Повели им Двужил застегнуться, здесь довольно сыро, и Владушка может простыть... Что как ты понимаешь не понравится Зиждителям, – весьма строго указала Вещунья Мудрая, ибо была назначена старшей в этот раз Богами. А может, что скорее всего, она всегда ощущала себя более значимой, поелику ее Творец Седми, был старшим сыном Небо.

Гомозуль суетливо мотнул головой, будто отгонял какую мошку, в достатке кружащих над вже зацветающем разнотравием луге, и в этот раз не пререкаясь, громко крикнул:

– Так все, все поднялись, – хотя встревоженные необычным местом и встречей Бога мальчики и так стояли, беспокойно переминаясь с ноги на ногу. – И оправились, – добавил миг погода Двужил. – Застегнули все крючки на балахнах.

Отроки суматошно принялись выполнять указанное, а юница повернув голову вправо, вдали, почитай подле подножия гор увидела табун пасущихся кологривов... достаточно большой.

– Не знала, что кологривов на Земле так много, – проронила Владу рассматривая тех величественных и одновременно удивительных животных, которые умели летать аки птицы. – Значит, мальчики прилетели на них.

– Да, – чуть слышно ответила Вещунья Мудрая, оправляя на девочке полы балахны, проверяя крючки и оглаживая ее волосы. – Ты, только крепко держись за меня и если, что-то не так... Если станет не в мочь с собой справляться, не мешкая скажешь о том посланцам Зиждителя Словуты.

– Я помню, – глядя в беспокойные очи царицы, наполненные трепещущими лоскутками золотого сияния, проронила Владелина и широко улыбнулась. Прошло какое-то время, в котором девушка хранила молчание, явственно к чему-то прислушиваясь, а засим она дополнила, – искра более не блестит. И мне... меня поколь ничего не гнетет.

– Ну и хорошо, – согласно и единожды довольно отозвалась Вещунья Мудрая, и, вздев голову вверх, оставилась в небосвод.

Глава третья

А на голубом куполе уже явственнее обозначался летящий корабль. И если раньше он просматривался малым пятнышком, то спустя несколько минут значимо обрисовался массивным телом. Когда судно и вовсе приблизилось так, что стало возможным угледеть буро-зеленые многократные круги, выдыхающие коричнево-золотой дым, Двужил повелел всем строиться.

Мальчиков расположили в два ряда, справа от детей встали гомозули во главе с Двужилом, а слева поместились альвы. Владу поставили крайней в ряду людей, как раз подле альвов, обок с Вещуньей Мудрой, еще крепче обхватившей ее руку. В нескольких метрах от построенных божьих творений лежал тот самый круг с треугольником и вспученными остриями, похожими на рога, вычерченный плавно и ровно уложенными рядами травы.

А корабль, или как его назвал Дажба гаран, уже завис настолько низко, что расположился непосредственно над кругом. Он мощно выдул из нескольких, перевязанных меж собой, круглых сопел коричнево-золотой дым последний раз, словно дыхнул и замер... там в вышине... Те самые буро-зеленые, круглые, многократные сопла нежданно и вовсе полыхнули зеленью света, замерцав. А засим гаран стал медленно опускаться вниз, уже не выпуская из себя дыма. Вмале судно достигло земли, и, притулившись краями корпуса, рубежа очерченного прилегающей травой круга, слегка сотряслось.

И пред застывшими в немом удивлении детьми предстал кубической формы бурый боляхный в размахе гаран, с башней на своей макушке в виде четырехгранной усеченной пирамиды, увенчанной платиновым деревом с малой кроной, где устремленные в разные стороны ветви не имели листов. На поверхности серой в шесть ярусов башни, опоясывая ее по кругу, располагались арочные окна, в которых мерцал зеленый, пузырящийся свет. Сами окна были по краям разделены мощными выпуклыми колоннами, по поверхности мышастого цвета которого блистали целые вкрапления темно-зеленых пятен, точно соединенные меж собой переплетенными в косы более блеклыми метелочками злакового растения. Окна по краю украшал платиновый, серебряный и золотой орнамент, также в виде плетеных отростков растений. Входом в гаран служила широкая арка, несмотря на то, что она сейчас была плотно закрыта мерцающей стеной, ее выпуклые арочные навесы воочью просматривались. Стоило гарану достигнуть земли, и замереть на ней, как на его макушке резко дрогнуло платиновое деревце. По его стволу, словно выскочив с под самой макушки пробежала рябь волнения, и вскоре на платиновых веточках стали появляться набухающие и степенно распускающиеся махие зеленые листочки.

– Владушка, – чуть слышно молвила царица, склонившись к самому уху девушки. – Печища Атефов вельми отличается от Расов и своим ростом, и обликом... Не напугайся.

Арочная дверь внезапно выпустила из себя дымчатые зеленоватые пары, каковые плотно укрыли и сам вход, да опустившись на оземь враз начертали из себя колеблющуюся лестницу с дюже широкими ступенями. Очевидно, еще мгновение того зеленого марева и степенно оседающий к земле дым живописал, вроде вышедшего из проема и остановившегося на одной из ступеней Дажбу, в красной рубахе и венце ноне пылающим багрянцем. Бог медленно повернул в сторону Владелины голову, глянул ей прямо в очи и обнадеживающе улыбнулся, а голос Словуты тотчас отозвался внутри головы: «Я рядом! Не бойся, любезная моя девочка!»

И вслед за тем дым полностью очистил арочный проем, показав глубокую, зеленую даль полей из которых выступил Асил. Тот образ коего видела Владелина в истукане головы в энже-евском Выжгарте. Как и Расы, Асил был высок и достаточно худ, будто много дней подряд до этого ничего не ел, и, по всему вероятно, даже не пил. Его слегка опущенные узкие плечи при мощном росте делали фигуру Бога сутулой. Смуглая, ближе к темной и в то же время отличающаяся желтизной изнутри, кожа подсвечивалась золотым сиянием. Потому она порой видилась насыщенно-желтой, а потом вспять становилась желтовато-коричневой. Уплощенное и еди-

ножды округлое лицо Зиждителя с широкими надбровными дугами, несильно нависающими над глазами, делали его если и не красивым, то весьма мужественным. Прямой, орлиный нос, с небольшой горбинкой и нависающим кончиком, широкие выступающие скулы и покаты́й подбородок составляли основу лица, сразу обращая на себя внимание. Весьма узкий разрез глаз хоронил внутри удивительные по форме зрачки, имеющие вид вытянутого треугольника, занимающие почти две трети радужек, цвет которых был карий. Впрочем и сами радужки были необычайными, або почасту меняли тональность. Они то бледнели и с тем обретали почти желтый цвет, единожды заполняя собой всю склеру, а погода наново темнея, одновременно уменьшались до размеров зрачка, приобретая вид треугольника. На лице Асила не было усов и бороды, потому четко просматривались узкие губы бледно-алого, али почитай кремового цвета. Черные, прямые и жесткие волосы справа были короткими, а слева собраны в тонкую, недлинную косу каковая пролегала, скрывая ухо, до плеча Бога, переплетаясь там с зелеными тонкими волоконцами, унизанными крупными смарагдами. Распашная, зеленая рубаха без рукавов с обработанными по краю выреза и вороту буро-серебряными узорами дополняла его скромное одеяние, а ноги были обуты в золотые сандалии схожие с обувью Дажбы.

Однако вельми занимательным был венец Зиждителя. Широкий платиновый обод по кругу украшали шесть шестиконечных звезд крепленных меж собой собственными кончиками. Единожды из остриев тех звезд вверх устремлялись прямые тончайшие дуги напоминающие изогнутые корни со множеством боковых коротких ответвлений из белой платины. Они все сходились в единое навершие и держали на себе платиновое деревце, схожее с тем, что венчало и сам гаран. На миниатюрных веточках которого колыхалась малая листва и покачивались разноцветные и многообразные по форме плоды из драгоценных камней, точно живые так, что наблюдался их полный рост от набухания почки до созревания.

Следом за Асилом из гарана вышел Бог Огнь. Он, кажется, за этот год и вовсе исхудал, и смотрелся весьма утомленным, отчего его белая кожа приобрела нездоровую бледность и почти не подсвечивалась изнутри золотым сиянием. Обряженный в белую рубаху, Огнь не успев выйти из проема, торопливо протянул в сторону стоящего Дажбы свою и вовсе тонкую руку, с едва затрепетавшими на ней долгими перстами.

Дети, гомозули и альвинки, только Боги появились на лестнице, низко склонили головы, и еще ниже ее пригнула Влада. Дажба узрев протянутую в его сторону руку Огня, шагнул к ней навстречу и губами нежно прикоснулся к кончикам пальцев. А Огнь немедля перехватив младшего Раса за плечи, торопко привлек к себе, и крепко обнял. Он ласково облобызал очи Дажбы, и только засим, также молча, передал его в объятия Асила. Старший Атеф не менее трепетно прижал к себе Дажбу и по любовно, будто видел дорогого сына, облобызал крылья его носа. Все с той же неторопливостью Асил выпустил из объятий младшего Раса, и еще нежнее провел дланью по его спине, вроде огладив там матерью красной рубахи.

– Здравствуй, милый Дажба. Давно не виделись, любезный малецык, так рад тебе, – голос Асила, один-в-один, как голос Огня звучал серебристо-нежным тенором и прокатился по долине звонкими переливами песни. – Не ведал однако, что ты нас встретишь да и еще с детьми. Вельми сие приятно, мой бесценный.

– Мне надо передать тебе послание от Отца, – откликнулся Дажба, улыбаясь Огню, какой нынче не менее нежно провел пальцами по коже его щеки. – А дети, болярины людских поселений, пришли встречать духов земли.

– Духов земли, – в тембре голоса старшего Атефа послышалось огорчение. – Но они прилетят следом, с нашими отпрысками... с Кручем. Милый малецык, конечный этап пути решил проделать самостоятельно в кумирне, або ему это разрешил Перший. Мы вам о том сообщили. Только вы почему-то не приняли наше послание, в целом как и не желали али не могли выйти на связь.

– Не могли, у нас были трудности... Да и кроме меня, да Отца Дивного в Млечном Пути никого нет, – пояснил Дажба. Он стоял вполоборота, разместившись на лестнице таким побытом, чтобы в надобный миг скрыть от взора старшего Атефа девочку, а посему немного загроживал Огня. – Но мне поручено передать тебе важное сообщение Асил, оное вы не приняли от нас.

– Погоди, мой любезный, – ласково молвил Асил, и чуть зримо просиял улыбкой. – Я поздороваюсь с вашими детьми, твое сообщение повременит.

И старший Атеф медленно перевел взгляд с лица Дажбы и воззрился на стоящих детей, какие по мановению вскинутой вверх руки Двужила, испрямились. Владелина мельком глянув на Асила перевела взгляд на Огня и увидела в его очах такое изумление, точно над ее головой пролетел антропоморф. Его радужнозеленые глаза весьма ярко вспыхнули, а засим по коже нежданно сверху вниз пробежала легохонькая рябь искорок, вскочившая из венца, что тончайшей золотой нитью, унизанной семью крупными, ромбической формы, желтыми алмазами, огибал по коло голову. Этот венец Бог одевал вельми редко, также как и украшения, впрочем ноне на его левом, указательном пальце красовался крупный серебряный перстень с семиугольным сапфиром в центре. Зиждитель медлил еще морг, а после резко дернул в сторону взгляд, вроде словив присланное ему известие от младшего Расы, и тотчас опустил голову вниз, уставившись в дымчатую поверхность лестницы, похоже узрев там, что-то более занимательное.

А Асил меж тем весьма благодушно осмотрел гомозулей во главе с Двужилом, вскользь прошелся взором по лицам мальчиков так, что щеки их густо зарделись и дотянулся до стоящей подле царицы Влады. Судя по всему, Бог не очень жаловал племя белоглазых альвов, оно как на них и не глянул. Как и мимолетно задел взглядом девочку, стоящую подле и отроков поместившихся за ней, и было уже отвел взгляд в сторону гомозулей. Однако засим стремительно вернул его обратно и уставился на юницу. И незамедлительно глаза Асила враз стали карими, а миг спустя радужки слились в единое целое с треугольными зрачками. И тогда по спине Владелины пробежали крупные мурашки, волосы на голове привстали от ужаса, а плотный бусенец пота покрыл лоб и подносовую выемку. Какую-то малость того напряженного безмолвия и девочка почувствовала как впился взор Асила ей в лоб, точно желая сорвать не только сами волосы, но и содрать всю кожу с лица. Кажется, кожа тихо скрипнула, заскрежетала и стала разрываться сначала на лбу, а погода трещины пролегли по щекам, носу, подбородку, видимо, дотянувшись до самих уст. Влада порывчато дернула головой, нежданно ощутив как внутри нее, что-то мощно затеплилось, а после кто-то вельми повелительно указал вздеть очи от клубящегося дыма. И самого того не осознавая, обаче, действуя под властью той силы, девочка воззрилась в глубину карих треугольных зрачков Асила и не открывая рта очень четко крикнула, так, словно то кричала и не она, а тот кто был много ее сильней... и днесь... сейчас управлял ее ртом, мозгом, плотью: «Не смей меня трогать!»

И густая волна движения от безмолвно выдохнутых слов окатила и старшего Атефа, и, похоже, Дажбу, Огня. Отчего Асил даже малозаметно качнулся, а Расы взволнованно уставились на Владелину. Та плотная волна, коя была насыщена болью, огорчением и единожды мощью окатив Зиждителей, вернулась обратно и впорхнула в приоткрытый рот Влады. Посему последняя на миг захлебнулась, таковым стремительным дуновением, и тягостно вздрогнув всем телом, лишь сейчас осознала, что кожа на ее лице никак не пострадала. Если не считать того, что покрылась мелкой зябью мурашек и вспотела.

– Асил, – сызнова обратился к Богу Дажба, и, шагнув в бок, единожды махом укрыл отроковицу от его взора. – Небо велел передать тебе сообщение. И поверь оно очень важное... И не может ждать. Иначе, как ты понимаешь, я бы сюда не явился.

– Хорошо, мой милый малецык, пойдем, – негромко и достаточно благодушно отозвался старший Атеф, стараясь меж тем узреть девочку сквозь закрывающую ее фигуру Дажбы.

Впрочем, Владу уже плотно укрыла собой ступившая, вместе с альвинками и гомозулями, немного вперед царица. А юница, замершая позади Вещуны Мудрой, все еще судорожно дрожала. Ее руки тягостно трепыхались, ноги надрывно сгибаясь, подкашивались, точно им было не в силах удерживать своего обладателя... По всему вероятно, сотрясалась и сама кожа на лице Владелины, ее веки и губы, пытающиеся подавить в себе крик... новый и какой-то иной... более мощный, насыщенный пережитым. Колыхание затронуло всю плоть, как снаружи так и внутри, так, что дыбом встал каждый волосок на теле, напряглась каждая клеточка, каждая жилка и нерв. А сердце туго качнулось вперед... назад, словно жажда пробить грудную клетку, поелику Владелина ощутила в возвратившейся волне такую любовь, что разком возникло желание тотчас поспешить к Асилу и припасть к его руке, так как сие содеял Дажба в отношении Огня...

Огня... Огнь... Девушка вспомнила про Огня и задышала много ровней. Сменяя рвущийся изо рта губ крик, на более степенную молвь... молвь коя могла ее успокоить.

Огнь... Наконец он приехал... Исхудавший... Изможденный... Одновременно далекий и близкий, и, однозначно, такой необходимый девочке.

И поколь юница шептала себе, степенно обретая собственные губы и собственное тело, Боги уже пропали в зеленом дымном арочном проеме. По первому туда вошел Асил, за ним Огнь и лишь потом Дажба. Старший Атеф напоследок обернулся. Он, вне всяких сомнений, захотел увидеть еще раз Владелину, но она была прикрыта обоими Богами, словно сговорившимися, и Вещуней Мудрой. И как только Зиждители ушли, из гарана вышли сыны Асила. Вернее не вышли, а степенно... не торопко выступили, гулко топая по дымчатой завесе ногами и сотрясая не только землю, но и стоящее на ней судно.

– Тише, тише, моя милая девочка... я рядом, – зашептал голос Словуты в уши Влады, будто только, что от того глухого гула у нее прорезался слух, дотоль подчиненный более мощному созданию.

Сыновья вышли из гарана все сразу, похоже, единожды ступив из того на первый взгляд весьма узкого арочного проема. Это были весьма необычные Боги, похожие на Асила и при том отличающиеся от него. Во-первых, они были много выше своего Отца, судя по всему превышая его рост вдвое, потому казались огромными. Мощными, покато-округлыми выглядели их плечи и словно перекаченными предплечья, где наблюдались выступающими мышцы. Сие были массивно скроенные с сильным костяком и большим весом Зиждители, вероятно, забравшие всю силу, мощь и массу не только от Асила, но и от всех Расов. Сыны старшего Атефа вельми сильно сутулились, и, видимо, клонились они оттого, что на их спинах отложистой горой торчали невысокие горбы. Сами мышцы, выпирающие на плечах, предплечьях, бедрах, лодыжках, оголенной груди смотрелись дюже ребристыми и напоминали корни деревьев. Казалось они, испещряя части тел, не столько проходили под кожей, сколько над ней, едва касаясь ее своим краем, а потому так явственно перекачивались туды-сюды по той поверхности, весьма рыхлой и по виду похожей на вскопанную почву, снятую лопатой. Цвет кожи у Богов выглядел несколько отличным от Асила, хотя сберегал присущую Атефам смуглость и подсвечивался золотым сиянием.

У двух из них кожа была более насыщена желтоватым отливом. У сих Богов, как позже назвала их царица, Велета и Стыри, было уплощенное, округлое лицо с низким переносьем и приплюснутым носом, с моготно выпирающими вперед массивными скулами. Узкими, темно-кариими и черными были глаза, соответственно Стыри и Велета, где весьма сильно просматривались вертикальные складки кожи полулунной формы прикрывающие внутренние уголки глазных щелей в области верхних век. Волосы у Зиждителей прямые, жесткие и черные, вроде как блистали, будучи, вероятно, залащенными, так что ни один волосок на них не колебался.

Иной же из Богов, Усач, имел слегка красноватый отлив кожи, иноредь озаряемый почти рдяностью, особенно в мышцах-корнях. У Усача было весьма вытянутое лицо с орлиным профилем, крупными черными глазами, черные жидкие длинные волосы, заплетенные в одну дюже тонкую косу. Бороды ни у кого из братьев не было. Одначе у Усача имелись довольно-таки густоватые усы, они также были переплетены в косы и достигали груди. Кончики, как усов так и волос, у Усача, туго схваченные, завершались крупными коричнево-прозрачными топазами.

Единственной одеждой Богам служила набедренная повязка широкая, обмотанная вокруг бедер и закрепленная на талии поясом. Сама повязка, кипельно-белого цвета имела множество мельчайших складок, и, доставая до колен, выглядела, несмотря на свою простоту, достаточно нарядной. Широкий сыромятный пояс, обильно усыпанный мельчайшими камнями переливающимися зелеными, бурными и даже иссиня-марными цветами, стягивался серебристой застежкой изображающей ладонь с расставленными пальцами, где вместо ногтей на их кончиках горели алые рубины. И это все, что было одето и обуто на Богах, потому как мощные их стопы, так гулко отдающие земным грохотанием, никак не прикрывались.

Атефская печища выйдя из гарана, на малеша замерла на широкой дымчатой лестнице, оглядывая не столько расположившихся детей, гомозуль и альвинок, сколько саму местность. Усач чуть зримо поморщил свои полные губы, и легохонько мотнул головой.

– Уходим! – немедля отозвался Двужил.

И склонившиеся при виде Богов представители народов, резко распрямившись, повернулись и поспешили вправо к лесу... туда где паслись кологривы.

– Не оборачивайся, – взволнованно молвила Вещунья Мудрая, ступающая вслед за девочкой, узрев, как та резко дернула головой в бок.

А Боги между тем расправляли от усталости плечи, слегка помахивали руками, будто разгоняя в них застоявшуюся от долгого полета юшку. Плотный взгляд Зиждителя нагнал юницу и словно вдарил по макушке головы. Яркий румянец залил лицо и на мгновение качнулся пред очами поросший травами луг, да абы не упасть Влада обернулась... обернулась и тотчас остановилась... Ибо неотступно и вроде удивлено вглядывающийся в нее взгляд Усача теперь попытался, как дотоль делал взор Асила, разорвать на ней кожу... не только на голове, а точно и на всем теле, выставив на показ саму плоть и тем самым грубо, жестко задеть ее естество. Отроковица сызнова резко дернула головой и тягостно покачнулась, понимая, что еще миг, и она не сможет совладать с собой и громко закричит.

– Пойдем, пойдем девочка моя, – прошептала царица, и крепко обхватив Владу за дрожащие плечики, с силой подтолкнула вперед.

Альвинки единым махом прикрыли со всех сторон девушку, а шагающие впереди, прямо за гомозулями, мальчики, как-то резво столпились подле нее. Плотный взгляд Усача лишь на морг потерявший из виду отроковицу, днесь торопливо пробежался по головам отроков, похоже прошупывая каждого из них и разыскивая того кем заинтересовался... Однако, этого мгновения, вдоха Владелине хватило, чтобы совладать с собой и услышать голос Словуты и Вещуньи Мудрой повторяющих: «Успокойся! Мы рядом!» Юница глубоко вздохнула и несмотря на то, что губы мелко... мелко тряслись смогла сомкнуть рот и не дать вырваться оттуда крику.

– Скорей! Скорей! – то царица уже не шептала девочке, намертво впившись своими руками в ее плечи, то она повелевала гомозулям, мальчикам и альвинкам... и голос ее переменял тревогу и силу.

Вскоре они подошли к пасущимся кологривам и гомозули с альвинками принялись неспешно распределять детей меж жеребцов, весьма громко разговаривая, обсуждая увиденное и пережитое. Вещунья Мудрая суетливо обернулась на оставшийся позади гаран и только после того, как заметила, что Боги более не смотрят в их сторону, выпустила плечи Влады,

но всего-навсе за тем, чтоб крепко ухватить ее за руку. И не мешкая повлекла за собой к подножию горы, на ходу бросив ставшему и вовсе красным от волнения Двужилу:

– Ждите меня, покуда не вернусь, никто не отбывает.

Глава гомозуль торопко кивнул и, что-то шумнул на своем гортанно-глубоком языке иным собратьям и альвинкам и они незамедлительно прикрыли собой да кологривами уход царицы и девочки к подножию горы, в лес.

Высокие с мощными стволами и густой кроной дерева окружали подножие и в этом месте, преграждая подступы к подымающейся ввысь горе. Тонкая тропа, по всему вероятно, только сейчас прочертившаяся, выскочила с под купно распростершихся корней одного из деревьев, и позвала за собой. Листва у самого дерева, что располосовал своими корневищами землю вдоль и поперек, была нежно-зеленая, вельми крупная и напоминала лист клена. Чуть зримо колыхаясь в вышине кроны, она будто укрывала своей густотой шагающих по тропе Вещунью Мудрую и Владелину.

– Бежим! – коротко молвила царица, и, пропустив юницу вперед, выпустила дотоль удерживаемую руку.

– Бежим? – изумленно спросила Влада и недоверчиво глянула на наставницу, поелику бегать ей уже очень давно не позволялось.

– Да... да, беги! – голос альвинки взволнованно дрогнул.

Девочка еще чуть-чуть медлила, не веря услышанному, но так как Вещунья Мудрая легохонько подпихнула ее в спину, сорвалась с места и побежала по торенке вверх на пологий склон горы. Почти бесшумно касаясь земли подошвами сапог, вдыхая сыровато-чистый воздух леса всей грудью. Владелина, наконец, оказавшись далеко от гарана и Атефов, ощутила успокоение... такое едва осязаемое, иначе, дюже приятное и потому бежала легко и быстро. Пологий уклон склона, вмае изменив свои округленные очертания, слегка выровнялся, образовав на поверхности горы почти ровную площадку, окруженную со всех сторон деревьями с широкими кронами, покрытыми гладкими, темно-зелеными, кожистыми листьями, снизу рыжеватопушенными. На той земляной и вроде овальной формы площадке стоял Седми, тревожно поглядывающий вниз на склон. Стоило девочке увидеть Седми, как она припустила еще сильнее и выскочив на пяточок, кинулась к Богу... Богу, к каковому чувствовала такую теплоту, неосознанно-мощную, которую и сама не могла объяснить. Зиждитель немедля присел на корточки, и, приняв в объятия, крепко прижав к груди Владелину, поднялся, начав ласково оглаживать ее вздрагивающую от скорого бега спинку.

– Седми! – прерывистодохнула Влада, легохонько отстраняясь от Расы. – Асил... Асил был так груб... Он словно хотел разорвать мне кожу на лбу. – Суматошливо принялась пояснять она и заглянула в темно-мышастые очи Бога. – Я так испугалась... так... мне стало не хорошо.

– Все, все закончилось, – каким-то весьма огорченным голосом откликнулся Седми, и, обхватив правой рукой голову отроковицы, прямо-таки толкнул ее к своим губам. Махом прикоснувшись устами ко лбу, он, чуть слышно вздохнув, так точно был пред девочкой в чем повинен, наново крепко прижал ее к себе. – Вещунья Мудрая, – обратился Бог к царице, когда та остановилась в нескольких шагах от него, все еще не вступив на пяточок и оставаясь на тропке. – Ты, умница. Я очень рад, что тебе удалось выполнить указанное Небом. Спасибо, в первую очередь, от меня. – Рас на чуток смолк, вновь прикоснулся губами к макушке головы юницы. – А теперь, – добавил он. – Спешно отправляйтесь обратно. Надобно, чтобы ты не задержалась в пути... ты понадобишься нашей бесценной девочке. Если, что будь на связи, возможно Дажба доставит тебя сам, коль в том будет нужда.

– Да, Зиждитель Седми, – просяив улыбкой откликнулась царица альвов, и, не мешкая развернувшись, также проворно и скоро поспешила вниз с бугра.

– Сейчас мы будем в капище, моя милая, – полюбовно протянул Седми, ласково поглаживая волосы девушки. – Дивный тебя очень ждет.

– Как в капище? – огорченно вскрикнула Влада, и, дернувшись от груди Бога, воззрилась в его столь близкое лицо. – Но Дажба сказал... сказал... коли все пройдет гладко, он мне позволит увидеть море и искупаться. Я же сделала все, как велел Отец.

– Да, да моя драгоценность... моя бесценность... все так как надо, – своим высоким, звонким тенором, одновременно, очень мягко, протянул Рас и обнадеживающе улыбнулся отчего замерцало золотое сияние его кожи. – Но днесь лучше вернуться в капище. Мне нужно отбыть из Млечного Пути. Я задержался тут лишь из-за тебя, чтобы вынести отсюда.

– Ну, как же так, – удрученно произнесла юница и на глаза ее навернулись слезы все дотоль сдерживаемые от пережитого. – Ведь Дажба обещал... И Отец тоже. Тоже сказал увижу море. Ты, Седми, знаешь, что, ты иди ежели тебе надо. А я подожду тут Дажбу... тут или там внизу, – кивая на скатывающуюся к долу торенку досказала Влада и чуть слышно хлюпнула, словно подбирая сырость в носу.

Седми на самую малость замер, так вроде вслушивался в звуки леса, его глаза поблекнув, стали почти молочно-серыми, а проходящий по лбу венец, ноне смотрящийся как тонкая, бечевка, красного цвета, нежданно густо замерцал переливами света. Немного погодя Бог малозаметно сотрясся всем телом, и с тем затушив сияние венца, нежно воззрился в зеленые с карими вкраплениями очи девушки, негромко проронив:

– Хорошо, моя милая. Я отнесу тебя на море, только ты не волнуйся.

Владелина порывчато кивнула, и, обхватив руками удлиненную шею Раса, приткнула лицо к его правому плечу, ощутив знакомый аромат пыльцы, идущий от тела Бога. Легкое дуновение окутало не только фигуру Зиждителя своими сырыми голубоватыми испарениями плывущими в глубинах леса, оно видимо, живописало наполненностью бытия, звуками обитающих в его еще не тронутых людскими руками недрах живых творений... И Влада точно разком услышала рычание зверей, трели птиц и стрекот насекомых.

– Только на сам берег, ни на то лбище, где я была, – просительно молвила девочка, дыхнув в ухо Бога.

Седми ничего не ответил юнице, хотя по той теплоте с какой он прижал ее к себе, придерживая под спину и голову, было ясно, что он исполнит ту просьбу. Потому уже через морг, в каковом опять стремительно пронеслось подле сжавшийся до состояния крупинки Влады пространство, они оказались на берегу моря, прямо на песьяне. На песчаное полотно которого, ровное и вроде как лишь миг назад облизанное, немедля выкатила низкая волна и снова приравняла его гладь. Зиждитель медленно спустил с рук отроковицу, поставив ее на песок, а та как зачарованная шагнула вперед и воззрилась на едва колыхающуюся зябь голубо-синего безмерного моря, широко улыбнувшись ему. Узкую прибрежную зону по рубежу окружали невысокие склоны глинистого бугра, поверхность коего, почти желто-серого цвета, была обильно усеяна рытвинами, трещинами, вдавленностями аль вспять выпуклостями, иноредь поросшими зелеными островерхими травами.

– Девочка моя, – проведя перстами по головке отроковицы, прямо по व्यоцимся волосикам произнес Седми. – Мне надо уйти, а ты побудешь тут и дождешься Дажбу.

– Одна? – встревожено вскрикнула девушка и с лица ее сбежала благодушная улыбка.

Владелина стремительно обернулась, на стоящего слегка поодаль Бога, и вздев голову взглянула на него... И единожды в ее очах возник плохо скрываемый страх.

– Одна, – весьма ровно и как-то успокаивающе авторитетно отметил Седми. А маленько погодя словно прочитав мысли девочки, добавил, – тут никто не нападет... Даже не подойдет. И запомни антропоморф никогда более тебя не тронет... Никто, никогда, никак не обидит, не напугает ибо ты днесь защищена самим Родителем. Однако поколь Дажба не придет к воде

не подходи, дождись его. И даже не трогай воду. Ну, а ежели захочешь вернуться домой, скажешь Словуте.

Влада еще немного колебалась, несомненно, боясь оставаться на этом пустынном берегу одна, но засим, скользнув взглядом на парящих в небесах и повторяющих своим полетом очертания круга пятерых соколов, все же согласно кивнула.

Глава четвертая

А в гаране, в большой по размаху цилиндрической зале с нависающим дже низко ровным сводом, где стены, потолок были ярко-зелеными, а пол бурым и рыхлым, будто поднятая плугом оземь, находились Асил, Огнь и Дажба. Сами стены, испуская из себя зеленоватую дымку света, наполняли помещение почитай лазурным сиянием. Ровные стены промеж того порой тревожно дрожали и тогда из той ряби выползая, показывались, тонкие бурые отростки ветвей или трепещущие листья. Впрочем, проходило несколько минут... секунд... мгновений и выглянувшие из того полотна растения наново хоронились в их гладкости, пуская по всей поверхности стены несколько растянутые, расходящиеся в разные стороны круги.

В середине залы, вылезшие из пола-оземи длинные, изогнутые корни, весьма широкие в обхвате и почти черные, образовали мощное кресло, столь плотно переплетаясь меж собой, что едва заметными полосами проглядывали стыки таковых схлестов. Они созидали своим плетением не только сидение, но и малеша наклоненную спинку с округлым краем и такие же покатые подлокотники. На том кресле и восседал старший Атеф, поставив стопы ног на угловато вылезший из земли округло-изогнувшийся корень. Старший Атеф днесь смотрелся не меньше уставшим, чем стоящий в нескольких шагах от него задумчивый Огнь, и даже на его черных волосах в неких местах виднелись, совсем крохотные, белые пятна, словно он слегка поседел. Явно взволнованный Дажба прохаживался вдоль стен, стараясь, попоже, укрыться от вельми допытливого взгляда Асила, судя по всему, жаждущего прощупать младшего Раса... иначе, вследствие встревоженности последнего, не решаясь того сделать.

– Что ты мне хотел передать, милый малецык, – ласково поспрашал Асил, стараясь теплотой собственного голоса, снять волнение с младшего Раса так, что зримо в его очах промелькнуло беспокойство.

Дажба немедля остановился, его венец в виде усеченного конуса полыхнул и вовсе густой пурпурностью, выплеснув из себя легкую дымчатость, на чуток окутавшую лицо Бога. Он мало-заметно повел головой, и, взглянув на Огня, тихонько вздохнул, да точно не слыша вопроса Асила молвил:

– Ты очень утомлен Огнь. Так исхудал...

– Да, – тотчас откликнулся Асил и не менее участливо посмотрел на Огня. – Он слишком много потратил сил, ведь Седми в этот раз не помогал. А Отец Перший не сумел прибыть, сославшись на то, что ослаблен, – голос Асила по мере толкования сменил в своем тоне огорчение на сострадание. – Давеча мы виделись с Отцом Першим в Синем Око. Он залетал туда осмотреть Галактику и верно повидаться с Седми... и впрямь так плохо выглядел, что напугал, нашего милого Круча, своим видом. Перший велел, малецыку Огню, проделать весь путь до Млечного Пути в дольней комнате. И Огнь вышел из нее лишь оногдась, когда на подлете к Млечному Пути мы отстыковались от кумирни, оставив ее управление Кручу.

– Отец Перший прав тебе нужно еще побыть в дольней комнате на хуруле, там хранилица полные. Правда погода, – все также сочувственно проронил Дажба, неотрывно смотрящий на члена своей печищи. – Ибо днесь Дивный ждет тебя в капище... ему надобно передать тебе повеление Небо, поспеши.

Огнь, наконец, поднял, все поколь, опущенную голову и устремленный куда-то под ноги младшему Расу взгляд, и посмотрел прямо в ярко-голубые очи брата, даже при этом лазурном испарении лучисто горящие. Видимо Расы тянули время, давая возможность Седми вынести Владу с этого континента Земли, как можно ближе к своему материку.

– Ты, сказал Небо нет в Млечном Пути? – спросил Огнь и провел перстами по своим очам и лбу, прямо по тончайшей золотой нити купно унизанной семью крупными, ромбиче-

ской формы, желтыми алмазами, словно сымая оттуда пелену, а на самом деле всего-навсе закрываясь от взора Асила и не давая ему возможности прощупать себя.

– Да, Небо нет в Млечном Пути. Он прибудет вскоре, – ответил с расстановкой и весьма медлительно растягивая слова Дажба, а после чуть зримо улыбнувшись обдал особым взглядом лицо Огня. – Ты можешь отправляться в капище, не дожидаясь меня, – все также неспешно протянул он. – А я передам сообщение, предназначенное Асилу, и приду следом.

– Хорошо, – согласно отозвался Огнь.

Бог легохонько кивнул старшему Атефу, таковым образом прощаясь и торопливо развернувшись, шагнул в стену, коя мгновенно раскрывшись, словно мощная зеленая пасть чудовища, поглотила тело Огня, в доли секунд, пред тем окутав всего его в зеленую дымку.

А уже еще через пару секунд стена, сызнова сомкнувшись, недвижно затаила на своем полотне гладкость и по залу поплыла легкая блекло-зеленоватая хмарь, дотоль выплеснувшаяся из ее недр. Младший Рас немедля ступил к самому трону Атефа и очень четко произнес:

– Я принес тебе сообщение Асил... Сообщение от Небо о вселение лучицы в человеческую плоть.

– Лучицы! – пылко, несмотря на усталость да прокатившуюся в голосе хрипоту, дыхнул Асил, и мгновенно подался вперед, став точно ближе к Дажбе. – Как так вселение лучицы в человеческую плоть. Но я не был на совете Родителя. Не давал позволения на рождение самой лучицы, не прикладывался к ней и не обговаривал условия соперничества, несгибаемости Закона Бытия. Как меня могли в том обойти?

– Никто тебя не обходил, – ответил Дажба, все также роняя слова достаточно медленно. – Совета не было. Отец Перший скрыл, что родилась лучица... как и скрыл ее рост, и вселение в человеческую плоть.

– Это лучица Першего? Отца? – теперь Асил дыхнул то воспаленно-восторженно и стремительно поднявшись со своего трона-кресла встал на ноги, пытаясь таким побытом справиться с волнением. – Где?.. Где вселилась лучица? Когда?

– Лучица вселилась на планете Зекрая в системе Козья Ножка в Золотой Галактике Огня, четыре асти назад, – пояснил Дажба и днесь он сказал сие более скоро, по-видимому, уже более не страшась за девочку, поелику она была плотно укрыта.

– Четыре асти назад? – и лицо Асила нежданно дотоль благодушное лучисто замерцало золото-багряным сиянием и стало гневливым. – Но почему я узнал только, что об этом?

– Потому как мы о том, что вселилась лучица в человеческую плоть узнали менее трех свати назад, – дрогнувшим голосом откликнулся Дажба и единожды порывчато сотряслось его тело, а венец, на голове, внезапно потеряв свою красочную насыщенность, стал желто-белым, верно Бог был не в силах сносить негодование старшего Атефа.

Асил мгновенно приметил и трепетание младшего Раса, и смену цвета в его венце да торопко отвернул в сторону стены голову, зыркнув, кажется, в глубины ее поверхности как-вые резко заколыхали своими полотнами и оттуда выглянув, закачались ветви, листья, тонкие отростки растений.

– Прости, прости меня малецык за гнев, – огорченно проронил Асил и ступив ближе, немедля обняв чуть вздрагивающего Дажбу, укрыл в своих объятиях. – Прости... как ты, мой любезный?

Огорчение в тоне сменилось на неприкрытое беспокойство, и Асил, легохонько отстранившись от младшего Раса, умягченным взором оглядел степенно возвращающее на кожу его лица золотое сияние. А потом нежно поцеловал крылья носа и оба глаза Дажбы.

– Мне нехорошо, – достаточно тихо молвил Рас, вероятно, решивший воспользоваться сложившейся ситуацией, да поскорее исполнить возложенное на него, оное судя по всему было не дуже ему приятно делать. – Я прибыл, чтобы сказать, как это велено Законом, что лучица вселилась в наших отпрысков и Родитель, приняв ее появление, укрыл своей силой от кос-

мического вмешательства. Мы, как пестуны ее первой плоти, обязаны сообщить иным печищам о столь важном для всех нас событии, и объявляем о своем вступлении в соперничество за лучицу. Все остальные подробности ты, Асил, узнаешь от Небо, как только он прибудет. Он будет ждать тебя на хуруле... Тебя и насколько я ведаю Отца Першого, ибо он поколь не заявлял своих прав на соперничество.

Владу принес в капище Дажба, каковой появился на берегу моря невольг после ухода Седми и как, и обещал, позволил ей искупаться. Вода в море была очень теплая и на вкус солоновато-горькая. Девочка зайдя достаточно глубоко в воду в льняной рубахе, сняв только шаровары, обувку, кушак и балахну, как велел Дажба, купалась довольно долго... Изредка поглядывая на медленно прохаживающегося повдоль береговой полосы задумчиво-расстроенного Бога. Несмотря на жаркий день и теплоту воды юница вылезла из моря вельми продрогнувшая и обсушенная теплым одеялом, накинутым на нее младшим Расом, одевшись, с большой неохотой и удрученностью во взоре покинула столь тронувшее ее чистотой и не охваченной далью море.

В зале капища кроме Дивного и Огня никого не было, видимо и Седми, и Словута появились тут только затем, чтобы как сказал Перший «облыжничать» Асила. Лишь Дажба внес через завесу в белый зал Владелину и поставил на ноги, как дотоль сидящий на кресле, подле Дивного, Огнь воззрился на нее, точно как и Усач, желая сорвать кожу. Отроковица надрывисто дернулась сначала вперед потом назад, вдарившись всем телом об ноги стоящего Дажбы, и торопко сокрыв лицо ладонями гневливо крикнула Огню: «Прекрати! Прекрати на меня так смотреть! Мне это невыносимо! Невыносимо!» И сызнова на нее накатило желание закричать так, чтобы услышал ее тот, кто посылал этой ночью зов, призывая по ускользящему имени.

– Тише! Тише! – взволнованно вскрикнул стоящий обок младший Рас, и, судя по всему, ощутив ее желание, мгновенно прижал рукой юницу к себе, положив длань на макушку, а перстами обхватив лоб.

– Прости, прости, – не менее встревожено откликнулся Огнь, и, отведя от девушки взор, колготно шевельнулся в кресле так, что их сетчато-облачное плетение легохонько заколыхало своими внутренностями.

– Я пойду домой, – сотрясаясь всем телом, отозвалась дрожащим голосом отроковица. – Мне хочется домой... Зачем? Зачем он так на меня посмотрел? – последний вопрос она прошептала, обращая его не к Дажбе, каковой спешно присев обнял ее, а к самой себе.

– Девочка моя, моя драгоценность, поди ко мне, – проронил Дивный и подавшись спиной от ослона кресла, протянул в направлении Влады правую руку. – Поди, наша драгость.

– Не хочу! Не хочу! – вскрикнула юница и тугое дыхание застлало ей рот, вроде она задышалась от волнения и обиды... Обиды, что столь желанный Огнь так грубо себя повел с ней, желая сорвать, оголить плоть и узреть то бесценное, что жило в ней и было ее естеством. – Хочу домой... домой! Можно я пойду домой?!

Сие она спрашивала только у Дажбы, не в силах справиться с волнением плоти и томлением естества каковое жаждало прикоснуться, как оказалось не только ко всем Расам, но и ко всем Атефам. Отроковица нежданно и вовсе вырвалась из объятий Дажбы, ее голова слегка закинулась назад, похоже, желая узреть легкие пузырьчатые облака, прикрывающие голубо-белый свод, а после она стремительно кинулась к Дивному. И враз подхваченная старшим Расом на руки, миг спустя оказалась утопающей в его объятиях. Девочка суетливо вжалась в темно-русую бороду Бога, достигающую груди да густо закручивающуюся на концах в отдельные спиралевидные хвосты, и чуть слышно шепнула:

– Скажи, скажи ему Отец, чтобы он ушел... Мне плохо от его взгляда. Скажи, Отец.

Огонь тотчас поднялся на ноги, и медленно ступая, вmale сокрылся в завесе. И как только он пропал, Влада приткнула сжатые кулачки к лицу, и еще сильнее вжавшись в Бога, чуть слышно заплакала.

– Ну, что ты? Что ты, моя милая? Умиротворись бесценная наша девочка, наша драгоценность! – ласково зашептал Дивный, прижимая к себе отроковицу и оглаживая ее, нежно поцеловал в макушку головы. – Что ты?.. Разве Огонь тебя, чем огорчил?

– Нет, но он так посмотрел, – вздрагивающим, и каждый миг срывающимся голосом пояснила Влада, тем самым вторя трепетанию собственного тела. – Как Асил и тот... другой его сын. Они словно желали сорвать с меня кожу, желали увидеть то на, что не имеют... не имеют разрешения, что им не принадлежит. И Огонь... Огонь также... Я так его ждала... так ждала, а он... он.

– Огонь просто хотел с тобой поговорить, обнять, поцеловать как я, – очень мягко и единожды умиротворяющее проронил Дивный, не прекращая голубить волосы девушки и тем самым возвращая ее плоти спокойствие. – Огонь не хотел тебя огорчить.

– Можно я пойду домой? – с невероятно-мощным томлением естества, точно горячей волной наполнившей голову, протянула Владелина, вероятно, не желая быть подле Дивного, али вообще не понимая, чего жаждет. – Я устала, хочу спать и есть. Я сегодня ничего не ела.

– Тебе покуда не прибудет Небо надобно побыть в капище, в своей комнате, – заботливо молвил Дивный чувствуя, что ему не удастся снять томление с девочки и для того нужен или старший Рас, или все же Огонь.

– А Огонь? Огонь не придет ко мне в комнату? – Влада произнесла это таким тоном, что сразу стало не понятно и впрямь она пугается встречи с Богом, аль все же сильно ее желает.

– Ежели, ты, не захочешь, – медлительно поднимаясь на ноги, и все еще прижимая к груди сидящую на руках юницу, молвил Дивный. – Огонь к тебе даже не подойдет.

Владелина и вовсе утопила в кудреватозакрученных волосках бороды Бога свое лицо и туго вздохнув, прикрыла очи, не желая даже глядеть на взволнованно прохаживающегося по залу Дажбу.

Покушав и переодевшись в золотую рубаху, оную как, и еду, и украшения принесла ей Травница Пречудная, Влада прошлась по зеленому лугу, где травы покачивали своими долгими отростками или мохнатыми метелочками. Да также неспешно направилась к голубой глади озера, инолды трепещущей своими водами от опадающей на ее полотно с невысокой скальной гряды звонко журчащей реченьки. Не менее тонкий ручеек, вытекающий из озера, терялся где-то подле завесы, будто касаясь своими струящимися водами подходящей к ней встык голубоватой стены, единственно зримой преграде в самой комнате. Девочка опустилась на пухлую зеленую подушку мха, и, уставившись на едва колыхающуюся поверхность озера, вспомнила о бескрайних даях моря, а после также вскользь прошлась мыслями о ноне пережитых и увиденных Богах Атефской печищи, стараясь выкинуть, застлать ими постоянно возвращающуюся тоску по Огню. Юница чувствовала, что тоска в отношении Огня совсем не схожа с чувствами, какие она испытывала к иным Расам. Ощущение страха, что коснувшийся ее Огонь более не пожелает видеть, подойти к ней, было таким мощным, вроде гасящим любовь к Богам в целом и, кажется, даже к Небо. Влада подтянув ноги к себе, поставила голые стопы на мох, почти на самый его край, и, обняв их, уперла подбородок в колени, чуть слышно прошептав:

– Огонь, милый Огонь... зачем ты так на меня посмотрел, – и судорожно всхлипнула... где-то в глубине себя, надеясь, что Бог ее услышит.

Прошло лишь мгновение, когда на девушку кто-то весьма ласково и единожды горячо взглянул, а погодя она услышала нежный тенор Зиждителя, каковой вторя звонкому ручью, заиграл серебристыми песенными переливами:

– Прости моя милая. Прости, что я так тебя расстроил... так напугал.

Владелина суетливо дернулась, и, не мешкая обернувшись, воззрилась на стоящего в нескольких шагах от нее Огня, облаченного в белую рубаху без ворота и рукавов, распашную книзу, таковую легкую... прозрачную, что просматривалась под ней вся его худоцавая с мягкими изгибами фигура. Бог также, как Небо и Дивный почасту принимающие в этой комнате подобный девочке рост, был сравнительно невысок, хотя и сейчас смотрел на нее сверху вниз. Владу стремительно вскочила на ноги и взволнованно ступила назад.

– Ты позволишь мне поговорить с тобой? – томно спросил Огнь и в тоне его слышалось не только участие, но и не с чем несравнимая нежность так, что отроковица от того перелива напряженно застыла на месте. – Или я тебе неприятен и мне надо уйти? – досказал он.

Не в силах ответить, словно губы Влады окаменели, а в горле образовался густой ком воздуха, она слегка сотряслась всем телом. Томление в голове многократно возросло и желание быть подле Огня стало таким сильным, непреодолимым. И сие жаждала не лучица-естество юницы, сие желала ее человеческая плоть уже вобравшая в себя женское начало. Владелине желалось припасть к Огню, как к кому-то столь близкому, родному и ощутить трепетание его золотистой кожи. Бог медленно поднял руку и устремил к девушке вытянутые перста. И тогда волнение в девушке многожды усилилось, мелкая дрожь пробежала по плоти, мурашками покрылась вся кожа, и она надрывно качнулась вправо... влево жаждающая обнять и, одновременно, облобызать огненно-красные уста Огня. Еще мгновение той неподвижности и точно застывшей природы такой, что перестала журчать вода и колыхаться трава, и Огнь медлительно опустив, вроде бросив вниз, руку, развернулся, намереваясь уйти.

– Нет! – звонко кликнула Владелина. – Не уходи!

Бог тотчас вернулся в исходное положение, а миг спустя тронувшись с места и наскоро преодолев те несколько шагов разделяющих их, обнял девушку, прижав к себе вздрагивающее от любовного порыва тело, принявшись покрывать волнистую россыпь волос своими горячими поцелуями... И это были не те поцелуи, каковые дотоль дарили Владелине иные Расы. Губы Огня дотронулись до ее сомкнутых очей, носа, прошлись неспешным касанием по щекам до губ. А после точно проникли в ее уста, и горячая волна любви, той самой коей одаривает любящий мужчина свою возлюбленную, окутали всю плоть девушки. Зиждатель стремительно подхватил Владу на руки, и торопливо ступил к чуть приподнявшемуся над уровнем всего мха, будто единожды махом выросшему, квадратному топчану, объединенному с растительностью, стелющейся кругом, и устланного сверху зеленоватой набивной тканной полстиной. И немедля, верно, вторя тому союзу двух тел, зазвончато затараторил ручеек, перекидываясь капелью воды, и гулко запела погудку любви склоняющаяся к долу трава.

Удел Владелины уже давно был не в руках Огня, а в руках Небо... И старшему Расу было надобно, чтобы за эту жизнь... за первую человеческую жизнь лучица и сама плоть, как можно сильнее прикипели к его печице. И не только жертвовал для того своей клеткой Дивный, связывая плоть девочки, лучицу и себя, но и все остальное имело смысл. А возникшая в юнице чувственность к Огню могла еще сильнее надорвать те связи и тот зов, что неосознанно влек Владу и собственно естество к ее Творцу Богу Першему. Потому перед прилетом Першего, Небо решил подстраховаться... И страховкой была та самая чувственность девушки к Огню, и умело направленная уже самим Огнем возникшее влечение к совместной близости тел.

Влада покоилась левой щекой на груди Бога, прикрытой белой рубахой, которую Огнь в отличие от ее одежды с себя не снял. Хотя тонкость материи его рубахи, казалось, во время их близости на малеша вошла в самую плоть. Девушка глубоко и счастливо вздохнула, и, воззрившись на торчащий пред очами квадратный подбородок, нежно провела указательным пальчиком по нему, словно очерчивая его рубеж и легохонько тем движением всколыхав золотое сияние на самой коже.

– Почему? – тихо спросила она, страшась разрушить возникшее меж ними единение. – У тебя нет бороды, как у других Расов?

Огонь малозаметно изогнул губы, улыбнувшись, и то девушка не столько увидела, сколько почувствовала, поелику золотое сияние его кожи на чуть-чуть поглотило белизну и ядренистое тепло, точь-в-точь как от зачинающегося огонька обдало своими нагретым дуновением всю ее плоть.

– Потому как я несколько иной, – очень ласково откликнулся Огонь да провел и вовсе жаркой ладонью по оголенной спине юницы, отчего последняя легонько потянулась и незамедлительно затрепетала на ней каждая жилочка, клеточка и, похоже, вся плоть в целом.

– А, что теперь будет? – в голосе Влады появилась легкая зябь волнения, судя по всему, вызванная не только желанием близости. – Отец... Когда вернется Небо, он не будет сердчать на нас... на то, что меж нами было.

Огонь вельми резко привстал с топчана и девочка, единожды поднявшись, села рядом. Рас протянул к Владелине руки, и нежно обхватив плечи, заглянул в глубины ее зеленых очей, умиленно молвив:

– Твой удел, моя милая, с десяти лет в моих руках. И ты давно... уже давно была предназначена мне. – Огонь настойчиво притянул к себе юницу и сызнова поцеловал в губы так, что у нее от той ласки закружилась голова. – Ты всегда была моя... просто я ждал, когда ты вырастишь и сможешь меня полюбить.

– Я всегда тебя любила... всегда, – тихо отозвалась Влада, ощущая сладость на своих устах, и неотступно глядя в радужно-зеленые радужки глаз Бога, иноредь своей ромбической формой расширяющиеся и полностью поглощающие остатки склеры. – Но мне казалось ты ко мне... ко мне не справедлив, почасту упрекаешь... глядишь с раздражением... и также говоришь. И мне думалось, ты меня не любишь, я тебе не приятна.

– Что ты, что ты моя милая... милая девочка, – в голосе Огня слышалась такая любовь, что Владелина затрепетала всем телом и сызнова захотела с ним близости. – Ты не можешь быть не приятна. Ты мне столь нужна, как и я тебе, столь мною желанна.

Зиждитель почувствовал тот самый трепет и желание девочки и наново принялся ее целовать, чуть слышно шепча ласковые слова и своей божественной силой вдыхая в нее часть собственной сущности, словно прокладывая меж собой и человеческой плотью плотную любовную связь, которую быть может не одолеет зов Першего.

Глава пятая

Огонь пронесся сквозь завесу Владу, спустил ее с рук на пяточке капища. Она не захотела дожидаться Небо в своей комнате, попросившись домой. И Огонь не стал ей противоречить, так как выполнил указанное ему старшими Расами. Предоставляя возможность девочке пережить произошедшую с ним близость. День уже неудержимо клонился к вечеру, когда юница, спустившись с лестницы, недвижно замерла на каменной площадке и глубоко вдохнула пряный аромат трав, принесенный с луга дуновением ветра. Она ощущала на себе пристальный, любовный взор Огня, все еще стоящего подле завесы на пяточке, но не смела оглянуться. Оказавшись здесь в поселении, подле людей, гомозуль, духов и альвов Владелина стала смущаться и самого Бога, и всего того, что меж ними произошло, и посему спешно направилась по дороге к своему двору в сопровождении Травницы Пречудной.

– Я сказал тебе, чтобы после близости девочка никуда не уходила, а осталась в капище, – проронил вельми досадливо Дивный и посмотрел на сидящего диагонально него в кресле Огня, от утомления прикрывшего очи. – Небо велел, чтобы лучица была в капище, под присмотром, поколь он улаживает вопросы с Атефской печищей.

– Ты мне это уже говорил. Не надобно повторятся, я того не люблю, – едва слышно отозвался Огонь, одначе, даже в той тихой молви прозвучала осязательное недовольство. – Девочка хотела побыть одна, ей это нужно сейчас. Я выполнил, хоть ты и знаешь, что не хотел... выполнил веление Небо. И я очень... очень устал. – Бог неспешно приотворил очи, и устало уставился на старшего Раса. – Призовешь ее чуть позже. Когда меня не будет, чтобы она не смущалась и повелишь остаться в капище.

– Может не стоит ее теребить, – вступился за девушку Дажба, и, подойдя к Огню, провел перстами по его голове, прихорашивая там огненно-рыжие волосы. – И правда, ты так сильно утомлен, Огонь, это чувствуется даже мне. Днесь когда связь после отлета Словуты непосредственно идет на меня, я пригляжу за нашей драгоценной девочкой не тревожусь, Отец.

– Хорошо, пусть так, – отозвался более мягко Дивный, уже сменив досаду на явственную тревогу, обращенную в первую очередь к младшему брату. – А ты, любезный Огонь, прости меня, что пришлось тебя удержать. Поди, мой милый, отдохни... Дажба, проводи нашего дорогого Огня, на хурул и побудь с ним.

– Я дойду сам, – чуть зримо колыхнул губами Огонь и медлительно поднявшись с кресла, по теплomu взглянул на стоящего рядом Дажбу, придерживавшего его покачивающуюся фигуру за локоть. – Дивный не тревожьте поколь девочку. Пусть переживет случившееся. Я вmale отдохну и призову ее сам. Ноне ее нельзя напугать, оно как она такая хрупкая, нежная... И вельми зависима не только от меня, но и от каждого из Расов. Там такая чувственность... Я такое еще не ощущал. Даже удивительно, как мы могли не приметить ее уникальности... того, что в ней обитает лучица... Лучица моего дорогого Отца Першего. – Бог смолк и на малеша вроде как задумавшись замер, а после перевел взор на Дивного и обдав его несколько несогласное лицо, добавил, – все же повторюсь... Не надо было менять первоначальных замыслов тем паче после того, что мы узнали про сущность девочки. Не нужна была эта близость ей сейчас... не нужна. Она такая юная, слабая еще совсем дитя. Я боялся сделать ей больно, боялся напугать ее своими действиями.

– Нам надобно поколь укрепить связь лучицы с печищей, – произнес Дивный таковым тоном, точно то сказывал аль повторял не впервой, поколь пытался убедить Огня и легохонько качнул головой. – Поелику связь между Небо и девочкой может нарушиться лишь она узрит Отца Першего. Тем паче как ты понял, мой дорогой, лучица обладает столь мощной чувствительностью, что сразу признала и распознала в Атефах своих сродников... И то поверь мне такую пылкость, я встречаю впервые в лучицах. Это одна из ее неповторимых уникальностей,

которая так наглядно проявилась уже впервой человеческой жизни. Посему та любовная связь, каковую быть может ты, Огнь, пожелаешь создать и сохранить, будет удерживать саму плоть подле нашей печище в этой жизни. А в следующей перерастет в постоянный и вельми крепкий контакт со всеми нами, по которому мы, и в частности ты, одним из первых услышишь ее зов.

В многоугольной комнате на космическом хуруле, намертво вцепившимся в спутник Земли Месяц, нынче находились Небо и Асил, обряженные в длинные серебристые одеяния и в своих чудных венцах. Слабо колыхающиеся белой дымкой, испещренной сквозящими в их перьевитости ядренистыми рыжими искрами, облака перемещались по всей поверхности помещения, оставляя нетронутой только одну из стен... Ту самую которая была стекловидной и показывала иную сторону космического хурула, а именно раскинувшиеся дали Солнечной системы, да выглядывающие края плывущей внизу Луны и еще более отдаленной Земли. Боги восседали в огромных с покатыми ослонами и облокотницами янтарного цвета креслах, скомкованных из самих облаков. Правда в этот раз, Небо разместил кресло младшего брата таким образом, чтобы оно своей спинкой, по одной порой ползли буроватые пятна, смотрела в окно, отчего самому можно было видеть через стекло кружащий космос и порой заглядывающую вовнутрь судна, словно волнующуюся за свой удел планету. Зиждители беседовали, по-видимому, не долго, хотя от гнева, изредка охватывающего Асила, в своде комнаты плыли куски, лохмотки бурых облаков, похоже порванных его мощным взглядом.

– Я еще раз повторюсь, – молвил Асил и лицо его озарилось почитай густо-золотым сиянием. – Я не хотел задеть Дажбу, это вышло случайно. Мне право жаль Небо, очень жаль. – Старший Рас лениво поднял взор на брата и ничего не ответил, точно ему было безразлично. – Просто вырвалось, – стараясь справиться с тревогой, коя выплескивалась хрипотой, вроде он был простужен, дополнил Атеф. – Ты ведь знаешь, как мне дорог твой... наш малецык... и в целом дети. Мне весьма жаль, что его привел в волнение мой гнев.

– Дажба вельми раним, – наконец, проронил достаточно сухо Небо, не желающий сейчас уступать брату. – И я о том тебе говорил не раз. И не столько я, стоит верно о том молвить... сколько Перший, каковой многожды... многожды раз объяснял нам как надобно вести себя с малецыками. Особенно это касается таких юных Богов как Дажба... Хотя ты и с более старшими сынами ведешь себя также не сдержанно... – Рас проронил те слова и вовсе жестко так, что на скулах Асила заходили ходором желваки. – Разве я когда-нибудь позволял себе гневаться в присутствии твоих сынов, а ведь порой Усач и Стыря бывают весьма неучтивы, что не позволительно в отношении младших к старшим... Однако, – Небо торопливо вскинул вверх правую руку, дотоль покоящуюся на облокотнице и легохонько шевельнул перстами, тем самым движением смыкая уж было раскрывшиеся уста младшего брата. – Однако, я всегда помню, что передо мной дети... Мои, твой иль, как ты правильно выразился, наши дети... Ты же, твой поступок не простителен. И Дажба, не Велет али Воитель. С ним надобно быть мягче... Он нежен и хрупок, словно только, что распутившийся первоцвет сияния, любое дуновение космического ветра может задуть эту искру, сломить то колеблющееся пламя... И ни мне, ни в целом Богам не нужно, чтобы появился новый маймыр. – Старший Атеф и вовсе искривил черты лица, отчего разом дрогнули его узкие бледно-алого цвета губы. – И поверь мне Асил, будет благом, коль о произошедшем не узнает Перший, почасту при встрече с Дажбой прошупывающий его... Представляю, как брат будет тогда досадовать на тебя.

Видимо, Небо нарочно сказал про негодование Першего, ибо жаждал усмирить недовольство младшего брата по поводу лучицы, которое имело право быть, тем самым днесь защищая себя. Асил немедля отреагировал на речь Небо и теперь как-то порывисто сотрясся всем телом, единожды, притушив золотое сияние собственной кожи.

– Да, ты прав... прав, – торопко протянул он и в такт голосу кивнул аль может кивнул в такт дрожи плоти. – Я виноват перед малецыком. И прав будет Отец Перший, ежели станет

на меня досадовать, або я это заслужил. Мне право жаль, что так вышло... Я пришлю Дажбе дар, чтобы порадовать и снять напряжение. А ты Небо успокой его и попроси за меня прощения.

Старший Рас медленно отвел глаза от лица брата, точно ожидал от него других слов и потому не мог скрыть своего разочарование, а со стороны казалось, что Бог просто не дает Асилу никаких обещаний. В зале какое-то время царила тишина и бурные лохмотки, и полосы пара, более не потревоженные гневом Атефа, принялись собираться в общее облако, степенно обретая положенный бело-желтоватый цвет.

– А теперь, – много увереннее отметил Асил, и слегка подался корпусом вперед. – Теперь расскажи о лучице.

Небо, все еще не глядя на брата, в общих чертах рассказал ему о вселении лучицы в человеческое тело на Зекрой в Золотой Галактике, о спасении духом от смерти самой плоти и прилете на Земле, да вкратце о жизни девочки на планете Солнечной системы.

– Я, – молвил Асил, стоило только Небо смолкнуть, и глас его сделался вельми мощным и торжественным. – Я и моя печища заявляем о вступлении в соперничество за лучицу. Раз Родитель принял ее и укрыл, мы будем за нее бороться. – Старший Рас, будто не слыша брата, никак на его заявление не отозвался, все поколь смотря куда-то вглубь космоса. – И так как мы вступили в соперничество, по Законам Бытия ты обязан показать мне лучицу, – дополнил Атеф.

Кривая усмешка едва коснулась полноватых губ Бога Небо, укрытых сверху кудельками золотых усов. Теперь он, наконец, оторвался от созерцания космоса, и, воззрившись на брата легохонько качнув головой, ответил:

– Нет, второго раза не будет.

– Не понял? – беспокойно отозвался Асил, и, обхватив перстами обе облокотницы кресла, утопил в их пышных поверхностях верхние их фаланги.

– А, что ты не понял, – более вразумительно произнес Небо и ноне, и вовсе широко улыбнулся, так как был доволен тем, что ему удалось обмануть младшего брата. – Ты плоть с лучицей видел. И как сие положено, на своей территории, второй раз я не обязан показывать.

– Когда! – громко вскрикнул старший Атеф и в своде комнаты пронзительно треснуло надвое облако. Бог опершись об облокотницы стремительно привстал с кресла, а засим немедля и вроде устало плюхнувшись обратно, взволнованно проронил, – та девочка... Одна девочка среди мальчиков... Сияющая столь ярко, что ослепила меня. – Асил, точно прожег взглядом лицо Небо. Его глаза сузились до карих треугольников и недвижно окаменели, может он, таким побытом, желал узнать мысли старшего брата, а может просто старался справиться с собственным негодованием. – Но... я увидел ее, – с горячностью столь не свойственной Расам протянул Атеф, ибо узрел как подтверждение своей догадки кивок Небо. – Увидел до того, как получил ваше послание... сообщение от Дажбы.

– Нет! – весьма строго и вельми авторитарно сказал Небо. – Дажба тебе пояснил, что принес достаточно важное послание от меня, ты же ответил, что оно повременит, потому все сделано согласно Закона.

– Ты меня облыжничал, – не скрывая своего огорчения, проронил Асила и надрывисто дернувшись, оперся спиной об ослон кресла. – Я же не знал, что это сообщение о лучице... Не знал, что в девочке обитает лучица. Такая сияющая... мощная... чувственная... Ты лишаешь меня, брат, возможности на равных участвовать с тобой и Першим в соперничестве за нее. Поелику если я к ней не приложусь, у лучицы не возникнет тяги к моей печище и борьба будет бессмысленна. Так не справедливо.

– Кто бы говорил о справедливости? – весьма негодуя хмыкнув, пробасил старший Рас и своим гласом ноне став схожим с голосом Воителя, по всему вероятно, сотряс в своде залы облака так, что они пужливо заколыхали своими рыхлыми полотнищами. – Помнится

мне, когда началось соперничество за Круча, кое-кто вельми прескверно облыжничал мою печищу... и в частности Седми. Кажется, это ты Асил привел мальчика в котором обитала лучица на дацан Седми. Позволив малецыку к ней прикоснуться, а после когда встречу потребовал я сослался на то, что она уже была и на нашем пространстве. Ты, знал, что Седми будет переживать... И так как у нас с ним сложные взаимоотношения я не посмею ему, что-либо предъявить. Не посмею пожаловаться Родителю, ибо в целом один из старших Расов к лучице приложился, а то, что это был малецык, вроде как стало не существенным. Одначе, тебе того оказалось мало... Погодя ты увез мальчика с лучицей в Галактику Геликоприон, в систему и на планету, где кроме твоих отпрысков никто не жил, сказав мне и Першему, что она-де переполнена и селить никого ты там не будешь... А как ты поступил с Першим и того огорчительней. Ведь ты ведал, как ждал встречи брат со своей лучицей. Однако, поставил пред ним выбор или его встреча, или наставник для плоти и лучицы.

– Пусть о том, как я поступил с моим любимым старшим братом судит Перший, не ты, Небо... Оно как ты и сам не раз оказывался виноватым перед Отцом и огорчал его не меньше моего, – чуть слышно дыхнул Асил и еще сильнее вдавился в ослон кресла так, что на его волосы и сам венец медлительно напоззла янтарная дымка, ретиво вышедшая, словно выдавленная из облачного полотна.

Старший Рас, похоже, и не приметив той реплики, продолжил сказывать, впрочем, как и велел брат, более не упоминая огорчения Першего:

– Потому как в Галактике Геликоприон не проживали наши с Першим отпрыски мы и не смогли влиять на судьбу лучицы. Посему Круч знал лишь тебя и конечно как итог выбрал твою печищу. Так, что о справедливости упоминать как-то неуместно... Знаешь, я ведь мог ноне поступить точно также. Увезти девочку в Галактику Косматый Змей, где живут только наши с Дивным отпрыски. Впрочем, я даю вам возможность бороться за нее.

– Не поверю, что ты это делаешь во имя справедливости, – туго вздыхая, протянул Асил и торопко принялся утирать подносую ямку левыми перстами, смахивая оттуда махунечкие бусенцы воды, прилетевшие с под свода комнаты.

– Нет, не во имя справедливости, – незамедлительно отозвался Небо и малеша качнул головой туды-сюды, и тотчас в наверхие его венца вельми ярко вспыхнула вся миниатюрная система, не только звезда кружащая в центре, но и каждая планета в отдельности. – Я это делаю лишь из-за лучицы... Плоть итак слишком много пережила... Ведь никто не знал и даже не догадывался кто в ней обитает... Дажба, каковой общался с девочкой, сразу приметил в ней необычность, но мы подумали это первая искра отделившаяся от клетки, возможно набирающаяся сияния и относились к ней как обычно, как к иным детям. К девочке уже два раза пришлось приложиться... Первый раз на нее напал безумный энжей и вельми покалечил, а второй раз недавно, антропоморф высосал крепость. Дивному пришлось пожертвовать клеткой, чтобы спасти нашу драгоценность. И поверь мне Асил, я не видел еще такой подвижной лучицы... подвижной и единожды мощной. Иная бы уже давно отделилась от тела, а эта неповторимая, бесценная все еще в плоти. Хотя, я не думаю, что жизнь этой плоти будет долгой, слишком много потеряно времени, а вместе с тем сил, здоровья девочки. Если бы знать раньше... раньше, были созданы все условия, а так... так...

Небо смолк так резко, словно единожды онемев, и воззрился в венец брата, на ветоньке платинового деревца которого распутившаяся почка нежданно обернулась малым, пыхнувшим густо-фиолетовым светом, плодом, чем-то по форме напоминающим грушу.

– Значит, ты не позволишь мне ее увидеть... Хотя бы увидеть, – просительно произнес Асил. – Ведь и ты, и Отец обладаете большим, чем я. У тебя Дивный, каковой, ты знаешь, должен был по замыслу Родителя войти в мою печищу не твою, а Перший... Брату может достаться любая лучица лишь он того пожелает.

– Нет, не позволю, – властным голосом ответил Небо и днесь обдал горячим взором самого Атефа, пройдясь им от лба верно до стоп, обутыми в серебряные сандалии. – Во-первых хочу тебя проучить, а во-вторых лучица нужна мне самому. Да и потом она так связана с Першим, там такая взаимная чувствительность, поверь даже мне будет тяжело к ней пробиться... Впрочем, не мне тебе про то говорить. И Седми, и Огнь до сих пор столь зависимы от Першего, что мне сложно найти к ним подход, а ведь Седми моя лучица, просто росла подле брата. Хотя, о чем я говорю, ты сам в такой ситуации... Просто в твоём случае малецык оказался более покладистым, потому с ним нет таких проблем как с Седми. А по поводу Дивного, так Родитель подарив ему жизнь, хоть и замышлял, его как твоего помощника, при этом никак в выборе не ограничивал. И наш младший брат мог также образовать свою печищу, мог вступить в твою, но Дивный решил жить и творить вместе со мной... Это его выбор, коему я конечно рад.

Внезапно подле миниатюрной Солнечной системы в венце Небо ярчайше вспламенились, выиграв не только планеты, спутники, но и точно космическая пыль, астероиды, как крупные, так и мелкие, и едва зримая махая кроха света, пройдя голубую туманность по диагонали зависла недалеко от третьей планеты. И немедля лучистым, синим светом на малеша, озарилось как само окно в зале, так и все помещение.

– Ты позволишь Першему поселить на Земле его отпрысков? – спросил торопко Асил и радужки глаз его, дотоль имеющие форму зрачка в виде вытянутого треугольника, побледнев, обрели желтый тон и заполнили собой всю склеру.

– Да, мы уже столкнулись с ним о том, – громко ответил Небо и разорванное на две части облако, покрытое с одного бока буровой дымкой, парящее в своде слегка закачалось. В окне сызнава проступила темная хмарь космоса и старший Рас многожды тише добавил, – Перший прибыл.

А миг спустя в залу, будто из самой вертикально-отвесной стены, выступил старший Димург. Бог, облаченный в черное одеяние, ноне, правда, не мятое, а вельми опрятное с серебряными звездами, мелькающими по его материи, в серебряных сандалиях и увенчанный короной с живой змеей, неспешно спустился с наклонной панели пола, остановившись на его ровном полотне. Он малозаметно кивнул младшим братьям, а посем вздел руку вверх и расставил широко пальцы, тем подзывая к себе колеблющееся облако – дымку, плывущую в своде.

Облако тотчас дрогнуло и стремительно повалилось вниз дюже мощным клоком с длинным хвостом, на котором все то время, как оказывается, висело, замерев лишь подле длани Бога. Перший не менее резко прочертил рукой движение вниз и назад, и облако не мешкая, повторив тот путь, упало на гладь пола позади Зиждителя, также стремительно живописав из кома янтарное боляхное кресло. Старший Димург медлительно опустился в кресло, оперся спиной об ослон, положил голову на грядущку, так что змея в венце маленько запала назад и словно удивленно зыркнула зелеными очами в купол залы, и, пристроив руки на облокотницы, недвижно застыл. Какое-то малое время в зале царила отишье, так словно и не было прихода Першего, расположившегося в кресле под углом к обоим братьям, и те все еще были вдвоем. Хотя сразу появилась легкая напряженность в позе Небо и Асила, ибо они, узрев Димурга подыскивали тему для разговора, прекрасно понимая, что днесь не о Круче али тем паче об давеча свершившемся обмане сказывать не надобно, а бо тот, как первое, так и особенно второе мог не одобрить.

– Кого из своих малецыков ты оставишь управлять в Млечном Пути? – поспрашал Небо, похоже, найдя нейтральную тему толкования.

– Круча, – отозвался Асил и голос его охрипшее дрогнуло. – Мне надо вернуться и закончить творение в Ледный Голец, а малецыкам...

– Ох! Я уже устал о том толковать... Круч слишком мал, чтобы ты возлагал на его плечи такие обязанности. Сколько, в самом деле, можно о том говорить, – вклинился в разговор бра-

тьев Перший, молвив это каким-то вяло-ленивым и, одновременно, назидательным голосом, поколь не открывая очей.

– Мне более некого, – немедля произнес Асил, несомненно, радуясь, что старший брат с ним заговорил, пусть даже таким нравоучительным тоном, поелику до сих пор ощущал вину пред ним, огорчив его своими поступками. – Я думаю, Круч справится.

– Да, сколько же можно мне это повторять... толковать об одном и том же тебе, Небо, Дивному, – весьма гневливо и резко произнес Димург, и, открыв очи, поднял голову с грядущки, в упор зыркнув на младшего брата. – Ты думаешь... Асил, о чем ты думаешь? Можешь ли ты думать? Умеешь ли или то тебе не дано? Думает он! – негодование Першего явственно нарастало. – Как можно оставлять управление вновь созданной Галактикой, системами, планетами ребенку... Ты, по-видимому, забыл, что Круч еще дитя. Он слаб, восприимчив и хрупок, чтобы на него возлагать такие тягости. – Голос Першего стал таким густым, что заполнил все пространство комнаты, на чуть-чуть притушив сияние в ней света и окрасив все в сумрачные полутона. – Ему нужна поддержка, направление и помощь старшего. Нельзя, чтобы он был вдали от тебя слишком долго. Недопустимо, чтобы сейчас оступался... Ты должен всегда успеть поддержать, подправить его действия, чтобы не случилось непоправимого... И не получился новый маймыр... Оногадась... оногадась я тебе об этом толковал в Синем Око... До этого говорил при встрече в Чидеге и Травьянде, куда залетал абы побыть с малецыком Кручем. И не понимаю, почему наново... наново должен это повторять.

Перший смолк, белая склера в его очах полностью поглотилась черным, именно черным, сиянием и, он, обдав тем полыханием сидящего, наискосок справа, Асила, также скоро и жестко прошелся по лицу Небо. Еще морг и черная с золотым отливом змея внезапно раскрыв пасть, вытащила оттуда почти рдяной, раздвоенный язык и стремглав дернулась в сторону Атефа, словно намереваясь поразить его смертельным укусом своих мощных белых клыков. Казалось ее тело, скрученное по спирали на миг испрямилось и с тем значимо удлинилось. Однако, прошли всего-навсе доли секунд, и змея вернулась в исходную позицию в наверхие венца, так и не задев Асила. Она, как и дотоль, вельми скоро свернуло свое боляхное тело по спирали, и, пристроив на него голову, строго воззрилась ноне почитай темно-зелеными очами в сторону младших братьев Першего.

– Достаточно того, что с таким трудом выращенная мною лучица... И уступленный мною тебе Бог... По твоей Асил не разумности превратился в маймыра, – добавил несколько ровнее старший Димург и сызнова прикрыл очи. – С каковым теперь ни я, ни Родитель не ведаем, что делать... Ибо уничтожить его невозможно, так как тогда мы все ощутим эту гибель на себе, и в большей степени я, о том, наверно, не стоит вам сказывать, сами ведаете. Не хватало теперь еще, чтобы мой бесценный Круч, мой дорогой, милый малецык пошел по его пути.

И в зале вновь поплыла тишина. Того броска змеи, кажется, испугался не только старший Атеф, но и Небо, а быть может они испугались гнева Першего... Гнева каковой очень редко позволял себе Димург в отношении братьев и никогда в отношении их общих малецыков. Не только лица Асила и Небо, напряженно застыв, перестали мерцать золотым сиянием, вероятно растеряв его, но окаменели и их одежи, венцы... Замерло движение Солнечной системы в венце Раса, перестали трепетать листки, почки, ветки в венце Атефа.

– И коли ты не понимаешь подсказок, скажу проще... Я запрещаю... Слышишь, запрещаю тебе возлагать на Круча такие обязанности, – погодя заговорил Перший. – Ты не должен с ним расставаться. Так, что либо забирай малецык с собой, либо оставайся тут сам, и отложи пока творение Ледного Голеца. Тем более я уже говорил, но, похоже, стоит опять повториться, Мор туда не приедет в ближайшее время, не зачем торопиться. У милого малецыка итак много дел и я не буду нагружать Мора, как это делаешь ты или Небо в отношении сынов... так, что я устаю с вами о том спорить.

– Хорошо Отец, – наконец, подал голос Асил и он прозвучал столь приглушенно, что казалось Бог едва смог его дыхнуть, оно как ни губы, ни даже жилки на лице не шелохнулись. – Просто я подумал... тут Расы... Небо, Дивный, Дажба почасту бывают, помогут Кручу.

– Опять... опять по новому... Ты, что Асил в самом деле меня не понимаешь аль данное непонимание изображаешь нарочно, чтобы я негодовал на тебя... Зная наверняка, как я не люблю досадовать на тебя? – гнев Першего вроде бы смолкший вновь многократно увеличился, а вместе с ним громоподобно прокатился по помещению его глас, отчего затрепетавшие на древе в венце Атефа листочки, плоды и цветочки враз осыпались к корням, оголив тонкие отростки на коих остались сиять одни почки. – Кручу нужен ты... твоя забота и поддержка... Ему нужно ощущать твое участие... именно твое и всегда!

Асил торопливо кивнул старшему брату и тем движением головы, погасил возрастающее раздражение Першего, каковой все то время сидел вельми недвижно, с закрытыми глазами и лишь подавал о себе знать выдыхаемыми словами да шевелением губ.

– Да... да Отец... я все понял, – не менее спешно отозвался старший Атеф. – Я оставлю тут Усача, а малецыка заберу с собой. Выполню, как ты велишь, Отец, только не досадуй на меня больше за маймыра и Круча. Мне это тягостно выносить.

И в тех словах Бога прозвучала такое сожаление, по поводу их давешней размолвки, что старший Димург, видимо, желающий, что-то сказать и для того уже было отворивший рот спешно его сомкнул. Перший медленно вздел левую руку, весьма истощенную даже в сравнении со всем его худобитным телом, с облокотницы, и, уперши большой и указательный палец на лоб, слегка прикрыл раскрытой ладонью от братьев глаза и часть лица, таким образом, стараясь сокрыть от них обуревающие его чувства.

– Круч сам выбрал тебя, – очень мягко проронил Перший. – Хотя теперь все это в прошлом, как и сам его выбор, и соперничество за него, я об этом уже сказывал тебе и не раз... И вовсе, мой милый малецык, я не досаую на тебя за Круча. Просто сейчас, ты, Асил, должен осознать, как важен вашей печице малецык... Осознать и научиться к нему правильно относиться. И здесь самое важное, ваш постоянный контакт, общение, обучение и твое неустанное соучастие ко всему тому, что его интересует... Абы потом не было так как у Небо с Седми, что всякая, какая ни есть преграда меж ними, убирается только при помощи моего вмешательства. – Перший замолчал, несомненно, давая время братьям успокоиться и осмыслить сказанное им, а деревцу в венце Асила наново раскрыть почки и зазеленеть, зацвести. – А теперь по поводу самого для меня ноне важного, – дополнил он погодя, – Небо, я и моя печица прибыли, чтобы заявить о вступлении в соперничество за лучицу... И так как я уладил все разногласия с Родителем и он меня простил, приняв и укрыв лучицу от космического вмешательства, хочу ее увидеть и прикоснуться, дабы в человеческой плоти возникла чувственность ко всем Димургам.

– Да, – незамедлительно откликнулся Небо, поелику поколь старший брат вычитывал их общего младшего молчал, зная и чувствуя, сказанное тому непосредственно касается и его. – Когда пожелаешь. Только прошу на моем пространстве.

– Почему? – почти не шевеля устами, спросил Перший, откидывая навесом руки вельми плотную тень на свое лицо.

– Девочка очень хрупкая, болезненная, а после того, что свершил антропоморф любое даже незначительное потрясение может вызвать неровность в ее теле, – теперь Небо говорил с легкой зябью в голосе, вроде поколь умело скрываемое волнение выплеснулось из него, а быть может просто желая тем самым разжалобить брата, чтоб тот обязательно пошел ему на уступки. – Боюсь, что твое пространство напугает ее.

Перший, неторопливо убрал руку от лица, также степенно пристроил ее на облокотницу кресла и взглянул на Расу, как-то дуже строго, так, что у последнего зримо дернулись черты лица и густое золотое сияние выплеснулось на щеки, сказал:

– Небо, ты ведь знаешь как зависим от меня Седми... Мне ничего не надо делать, прошу-пывать, говорить, просить малецык итак все расскажет... Потому как в свое время, когда я тебе подсказывал, ты предпочитал меня не слушать... Теперь пожимаешь плоды своего своенравия. Я знаю, что Седми перенаправил чувственность девочки с меня на тебя... Знаю, что он того не желал делать, но ты настоял... не убедил, не попросил, а настоял. Как всегда «что хочу, то ворочу», как выразился малецык... Днесь наворотил и, вероятно, боишься... боишься, что мог покалечить саму лучицу. Я, мой милый, тоже этого боюсь... Потому на моем пространстве... Только на моем... Чтобы я мог прошупать девочку, понаблюдать за ней и лучицей, прежде чем сообщить о их состоянии Родителю, как это Он велел мне сделать. Теперь все ясно... то не мое распоряжение, а Родителя... Одначе, приведешь плоть тогда, когда она будет готова. Думаю, что она не испугается моего пространства, вспять сможет умиротвориться, ибо лучица увидев место своего появления и тех кто был дотоль с ней рядом, сие непосредственно пошлет на мозг.

Небо, что-то хотел молвить... не столько возразить, сколько попросить, оно как именно в этой роли чаще всего выступал пред старшим братом, но Перший малозаметно качнул головой, тем самым прекращая разговор. Старший Рас недовольно нахмурил свой узкий, высокий лоб так, что там живописались не часто, а лишь иноредь проступающие на коже две горизонтальные тонковатые морщинки. Он какое-то мгновение хранил молчание, а после многожды ровнее дополнил:

– Через половину асти в поселения планеты Земля привезут субклеточный материал, в основном девочек. Прошу вас прибыть в Млечный Путь в положенный срок, чтобы мы могли, объединившись, даровать свои клетки для последующего продолжения жизни не только на этой планете, но и на иных в будущем населенных человечеством.

Глава шестая

Влада после произошедшей близости с Огнем слишком сильно замкнулась в себе. Бог был прав, сказывая, что она оказалась не готова к ней. Девочке надобно было с кем-то поговорить, рассказать об испытанном и спросить совета, как вести себя дальше не только с Огнем, но и вообще с Расами. Однако Вещунья Мудрой, каковой девушка могла довериться, подле не было, а Травница Пречудная не столько не могла заменить наставницу, сколько выглядела такой юной и не опытной, у оной стало совестно вообще о чем-либо спрашивать. Потому все последующие три с половиной дня, несмотря на приглашение Дивного, Дажбы и даже Огня переданные через сподвижницу царицы, Влада не приходила в капище, а безвылазно сидела в избе, вернее лежала в ложе. Хотя всеми своими порывами мечтала оказаться подле Богов, чтобы обнять Отца Дивного и прикоснуться к губам Огня. На пятый день после встречи с Асилом в поселение вернулась Вещунья Мудрая, ее по распоряжению Дивного принес Дажба, а в капище Небо. Но и на зов старшего Раса Владелина не откликнулась. Ее посетило чувство, что свершенное ей и Огнем может огорчить Отца, и, чтобы того не увидеть, не ощутить стало предпочтительнее и вовсе к нему не ходить.

В избу слегка приклонив голову, вошла Вещунья Мудрая. Девушка уже видела ее утром, когда царица передавала повеление Небо. Потому узрев ее вновь Владелина, покоящаяся на ложе и глядящая вверх на гладко оструганные дщицы выстилающие потолок, разом повернулась на левый бок и укрылась одеялом, полностью схоронив под ним себя вместе с головой.

– Она так и не ела и это уже второй день гряды. Ничего в рот не берет и почти не пьет, – огорченно проронил дух, восседающий в углу избы, и сверкнул своими мгновенно увеличившимися голубыми очами.

– Выйди Выхованок, я с ней поговорю, – благодушно молвила Вещунья Мудрая, и, ожидая, поколь дух покинет комнату, не торопко опустилась на краешек ложа, положив ладонь на прикрытую одеялом голову юницы. – Владушка, – погода протянула наставница, когда они остались вдвоем в избе. – Зиждитель Небо очень встревожен, почему ты не приходишь в капище. Он нарочно прибыл, отложив все свои дела, чтобы увидеть тебя и поговорить.

Владу немотствовала, с трудом сдерживая в себе желание, тотчас соскочить с ложа и кинуться в капище к Отцу, ибо вельми страшилась, что ее близость с Огнем его огорчит. С трудом сдерживая в себе желание все, что накопилось излить столь долгожданной наставнице. Царица, по-видимому, уже обо всем оповещенная и присланная именно с целью выслушать, успокоить и немедля доставить в капище, более настойчиво погладила девочку по голове, а засим скинула с нее удерживаемое одеяло, обхватила плечи, и, прижав к груди, ласково поцеловала во вьющиеся, распущенные темно-русые волосы.

– Я боюсь огорчить Отца, – выдавила, наконец, юница из себя. – Боюсь, что когда он узнает о произошедшем между мной и Огнем... о моей любви к Огню... Отец огорчится.

– Почему ты так решила? – спросила очень тихо Вещунья Мудрая так, чтобы своим голосом не разрушить возникшее доверие.

– Не знаю, просто я почасту поступаю не верно, и потом дюже сильно мучаюсь от тех неверных поступков. Они меня изводят своим приходом и постоянством, – чуть слышно дышнула девочка.

– Но ты ведь любишь Зиждителя Огня?! – сие был не столько вопрос, сколько утверждение.

– Очень... очень люблю и хочу быть рядом, – суетно произнесла Владелина и вроде ощутила на губах сладость от поцелуев Бога. – Но Отец... Отец ничего такого не разрешал.

– Мне, кажется, тебе о том надо поговорить с Зиждителем Небо, – умячено молвила царица и плотнее обвила руками, чуть вздрагивающее тельце девочки, такой хрупкой и еди-

ножды уникальной своей божественностью. – Я думаю, Зиждитель Небо не огорчится тому, что ты любишь Зиждителя Огня и была с ним близка. Зиждитель Небо огорчится ежели ты не придешь. Он уже огорчен, что все эти дни ты не приходила в капище, не откликнулась на приглашения Зиждителя Дивного, Зиждителя Дажбы.

– Как же я приду?.. Как буду смотреть на Расов?.. Отца?.. Огня? – то уже Влада вновь стала сыпать вопросы, задавая их с присущей ей горячностью, первый признак, что она волновалась. Оттого и появилось легкое томление в голове девочки и гулко застучало сердце внутри груди, отдаваясь дробью в тело царицы. – Я не знаю как надо теперь себя вести... что говорить?.. И могу ли я обнять Дивного, Дажбу или Седми... и вообще... Они все... все меня прощупывают своими взорами, я чувствую. И хоть делают это как-то мягко, не так как Асил и Усач, но я боюсь, что как только окажусь в капище они все увидят, узнают и быть может не захотят более со мной видаться али изгонят от себя и тогда ... тогда...

Девушка резко смолкла, словно захлебываясь теми словами и отстранившись от Вещуньи Мудрой, густо покраснела, а посем на лбу и под носом у нее выступил от волнения пот, вроде ее бил озноб и туго вздрогнула вся плоть.

– Успокойся! Умиротворись мое чудо! Мое совершенство! – торопко пропела своим мягким, лирическим голосом альвинка. – Как ты можешь думать, что Зиждитель Огонь свершит с тобой, что-то неуютное иным Богам. Твой удел в его руках, а это значит, что ты должна будешь стать его женицей и продлить свой род от него. Так было решено Зиждителем Небо еще в тот день, когда Зиждитель Воитель подарил тебе жизнь. И ни ты, ни Зиждитель Огонь никак не нарушили волю Зиждителя Небо... И сие весьма чудесно, что ты любишь Зиждителя Огня, что хочешь быть рядом с ним.

– Да, – откликнулась уже много спокойнее юница, не сводя довольного взора с белых очей царицы, ноне купно подсвеченных золотым сиянием, в коем перемещались тонкие ажурные лепестки. – Так выходит Огонь... мой милый Огонь дарует мне детей и продлит род, потому Боги так ко мне благоволят и так близки?

– Не только поэтому. Еще и потому, что ты сама по себе удивительная, уникальная девочка, – нежно прошептала Вещунья Мудрая и провела перстами по лбу Владелины и ее изогнутому в середке носику. – И ты должна вести себя с Расами, так как вела допрежь. Ведь ничего не изменилось. Быть может тебе стоит поговорить пока лишь с одним Зиждителем Небо, чтобы вы были вдвоем? – девушка торопко кивнула. – Хорошо... тогда вставай. Ты, покушаешь, обмоешься, переоденешься, и мы направимся в капище, в твою комнату.

– Нет, нет..., – с горячностью в голосе прошептала Влада. – Не в комнату, в залу.

– Хорошо, пусть будет, как хочешь ты, – согласилась Вещунья Мудрая и поднялась с ложа, помогая и поощряя своим примером встать и юницу.

Небо скорей всего ошибался, ему не нужна была подстраховка... По-видимому, не только искусственно перенаправленная чувственность замесившая Димурга на Раса, в том играла роль, но и то, что девочка выросла подле Богов. Видела их, мечтала к ним прикоснуться... возвращая ту божественную нежность, тепло и любовь. Владелина была вельми зависима, как от Небо, так и от всех иных Расов, каковых очень любила. Страх огорчить Отца, расстаться с Богами был для Влады, не столько для лучицы, сколько именно для плоти, не переносим. Потому только Небо своей мягкостью и участием, мог снять с юницы все беспокойные мысли о неправильности ее поступка, и лишь его забота и теплота, как родителя, сумела еще сильнее укрепить связи, созданные не только Седми, но и самой человеческой плотью.

После общения с Небо девушка значительно успокоилась, перестав смущаться Богов и за последующий месяц цветень и сама вроде как начала цвести. Огонь приходил в капище к ней в комнату не так часто, он боялся ее надорвать, потому и близость их была редкой. Чаше он просто целовал, гладил ее и разговаривал, так как это делали иные Расы, не как возлюблен-

ный, а как Отец аль старший брат. Однако любовная связь должна была жить... И она жила, поддерживаемая умелыми действиями не только Огня, но и всех остальных Расов. Девочка все также продолжала приходить в капище, в залу для встречи с Небо и иными Расами, в комнату только для встречи с Огнем. Это не обсуждалось, впрочем, как-то собой получилось. И как более никто кроме Огня не входил в комнату. Точно также, чтобы не смущать Владелину, в залу не приходил Огонь... Так, что в целом для юницы вроде бы ничего не изменилось.

Близость с Богом сделала девушку и вовсе какой-то нежной, и она стала нуждаться в особой заботе, внимательности со стороны Зиждителей. Потому более никто ее не прощупывал взглядом. Испытанное неприятство, при встрече с Асилом, сделало невозможным для девочки, выдерживать данное прощупывание. И если раньше она могла терпимо переносить те вскользь пролетевшие взоры, то теперь так волновалась, с горячностью закрывала лицо и порой вскрикивала али плакала. Посему старшие Расы запретили своим сынам тревожить весьма обострившиеся ощущения лучицы, только взгляды Небо и Дивного девушка не ощущала... Так, что в целом и для Расов все осталось как допрежь того.

– Нет, обмен духами должен произойти на нашем пространстве, мой дорогой малецык, такова договоренность, – неспешно проронил слова Небо обращая ту молвь к Седми.

Старший Рас и его три сына находились в зале капища, заняв положенные места подле своего Отца. Рядом с Небо на кресле сидела, притулившись к его левому боку Владелина, нарочно приглашенная для беседы. Девушка слушала толкование Богов весьма внимательно, поколь не вступая в сам разговор, понимая его важность для людских поселений Земли. Поелику в этом толковании решался вопрос об обмене Атефских духов земли, на духов какие жили обок с детьми.

– Обмен будет только на нашем пространстве. Так и скажи Асилу, малецык... чего он опять мудрит, ведь уже говорили о том с ним. Итак, столько времени тратим на этот обмен, чтобы Круча порадовать, так Асил еще и блажит. Надо было не идти на уступки Асилу, не подчиняться Першему. – Небо обращал свою речь к старшему сыну, который нарочно прибыл на Землю, не только для обмена духами, но и потому как по нему соскучилась юница. Седми поместился на кресле справа от Отца, на том самом месте, где почасту сидывал Дивный. – Асил все еще тут, малецык? В Млечном Пути?

– Да, здесь, – вельми недовольно произнес Седми, и его кораллово-красные губы зримо затрепетали, точнее заколыхались пшеничные волоски усов прикрывающие их. – Но на передаче Асила не будет, лишь Круч. Он хочет, чтобы малецык попробовал сам... Небо, скажи мне, почему на ту встречу должен лететь я? Пусть Воитель, коль он здесь. Не желаю, слышишь, не желаю толковать о договоренностях с Асилом даже чрез контактную сетку... Не заставляй меня.

– Разве я заставляю? – глас Небо многожды понизился, и сам он как-то вельми потускнел, словно сияние на его коже поблекло от расстройства. – Сие не я велел, а Перший... Прошу малецык, выскажи свое недовольство Отцу Першему, ибо он считает, что затянувшаяся меж вами размолвка может пагубно сказаться на обеих печищах, на молодых Богах и лучице. Но если ты не желаешь лететь на ту встречу, я не стану на тебя давить, пусть отправится Дажба, так как Воитель в днях отбудет.

Седми и вовсе негодующе зыркнул на старшего Раса, посем не менее досадливо обозрел сидящего слева в кресле Воителя и наискосок от него Дажбу, легохонько, правда, просяив последнему. Он несильно качнул головой, отчего венец, восседающий на ней, самую толику засиял золото-огнистым светом. Ноне на голове Бога венец был в полном своем великолепии, каковым его Седми носил не часто. И то была проходящая по лбу широкая, золотая мелко плетеная цепь, на которой, словно на пирамиде восседали такие же цепи, где однако каждое последующее звено меньше в обхвате предыдущего, заканчивалось и вовсе едва зримым овалом.

– Так всегда, Дажба совсем юн... Круч дитя... – все также недовольно отозвался Седми и туго вздохнул, судя по всему, он не желал спорить с решением Першего, коего слушался безоговорочно. – Придется лететь мне, иначе с Асилом мне сложно общаться.

– Я понимаю, мой милый, – все также мягко протянул Небо, стараясь смягчить досаду сына и радуясь, что он выполняет нужное. – А теперь надобно решить, кто из людей поедет с тобой. Девочка моя, – голос Небо и допрежь мягкий и вовсе стал ласково-любезным. – Я просил тебя вместе с Воителем определиться в выборе главы войска, вы это сделали?

Девушка немедля шевельнулась под боком Бога и чуть слышно вздохнув, ответила:

– Мы придумали только название войвода... То есть тот кто войско водит. А с главой так и не сошлись, потому как Воитель предложил Граба, – и плечики Влады слегка всколыхнулись. – А я предложила Рагозу.

Поздно вечером Владелина вышла из избы на двор. Тот самый зов, который она слышала почаству, многожды увеличился за последние несколько недель. По первому выпорхнув из носа мощными струями крови, томлением в голове и несколькими днями проведенными в ложе, так плоть сама того и не ведая отреагировала на прилет Першего в Млечный Путь. На дворе еще вроде бы и не слишком стемнело, так лишь закатилось солнце и окрасило голубизну неба в пепельные полутона. Чудилось, еще не вступила в полную силу ночь, да и день поколь не сдавал свои позиции. Посему та дымчатость, пролегала широкими полосами, укрыв... не сменив, а всего-навсе укрыв собой полотно голубого свода. Девушка остановилась в нескольких шагах от березки, что трепыхая листвой росла подле скамейки и воззрилась в небеса. С запада та чудная дымчатость точно поигрывала золотыми огнями света оставшегося или позабытого солнцем, и, любуясь той красотой, девочка, замерши, прислушивалась к едва осязатимому движению звука, в коем иноредь проскальзывало дуновение зова.

– Владу! – внезапно окликнул ее Граб, в смурном облике Земли, словно выступив из ниоткуда.

– Фу..., – вздохнув, проронила юница и повернув в сторону мальчика голову недовольно зыркнула на него.

За прошедший год девушка достаточно отвыкла от общения с отроками. Вещунья Мудрая, по распоряжению Богов, переключила интерес девочки от общения со сверстниками на себя, с тем выстроив мощную стену меж ними и ей. И Владелина уже не нуждалась в беседах, связях с мальчишками. Она не ходила на Ребячий мешок, не посещала праздники, ночные гуляния ребят и все то, что раньше составляло ее жизнь. Потому приход Граба, такого рослого с крепкими широкими плечами и размашистыми ладонями, с его несколько малой в сравнении с телом головой, где дюже беспорядочно лежали светло-русые, жидкие волосы несколько взволновал и удивил девушку.

– Ты напугал меня, Граб, – добавила она погода и воззрилась в лицо парня с небольшим таким невзрачным вздернутым носом и пухлыми, алыми губами.

– Прости, хотел поговорить, – негромко произнес юноша, будто страшась, что их подслушивают. – Тебя теперь почти не видно. Ты не приходишь на Ребячий мешок и очень редко сидишь на скамейке.

– А ты, что следишь за мной? – спросила девочка, ощущая волнение в низком голосе Граба.

– Слежу! Да! – теперь парень это не сказал, а дыхнул во Владу и порывчато шагнул ближе, останавливаясь в двух шагах от нее. – Хочу тебе кое-что сказать... Давно хочу.

– Хочешь? – неосознанная тревога едва коснулась девушки, и она беспокойно уставилась в серые очи мальчика.

Дымчато-пепельная завеса, наконец, съела всю голубизну неба, и теперь оно не просто посерело, а посинело и также резко потемнело все вокруг, только одинокая, урезанная с одного края луна глядела на стоящих в глубинах Земли двух маханьких крох-детей.

– Хочу давно, – голос Граба каждый миг тревожно дергался, было сразу видно, что он готовился к этому разговору долго и также долго готовил речь. Одначе когда пришло мгновение ее сказать, позабыл большую часть слов. – Батанушко нам рассказывал, что придет время и в селение появятся девочки. Их привезут наши Боги. И тогда мы сможем выбрать из тех девочек себе жен и продлить с ними род. Но я... я уже очень давно выбрал для себя жену. И это ты! Ты, Владушка! Ты мне так дорога, так близка. Хочу продлить свой род лишь с тобой.

– Чего? – озадаченно пролепетала девушка, и так как парень направил в ее сторону руки, верно желая обнять, стремительно отскочила в сторону. – Ты, чего, Граб?

Неосознанное волнение юницы нарастало и тотчас отозвалось с небес клекотом появившихся соколов, означающих, что Боги, и в частности Дажба за ней приглядывающий, ощутил ее тревогу. Услышав беспокойство в клекоте птиц, Владелина разом взяла себя в руки, утраившись, что Зиждители могут наказать мальчика за тягу к ней, и посему много ровнее произнесла:

– Я не смогу продлить твой род Граб. Не смогу стать твоей женой, потому как...

Но тот точно не слыша Владу, сызнова шагнул к ней и не только его протянутые руки, но и сам он весь тягостно вздрогнул. А едва коснувшиеся груди девочки короткие, толстые пальцы Граба надрывно сотряслись. Девушка наново отскочила в бок и единожды назад, ощущая какое-то непотребство в касание ее тела.

– Послушай! – юница резко бросила те слова в мальчика. – Я не буду с тобой, потому что люблю и принадлежу другому.

– Кому? – дотоль светлое лицо Граба, легохонько освещаемое сиянием луны, моментально полыхнуло яростью. – Златовласу?.. Миронегу?.. Братосилу?.. да я!.. Я их раздавлю!

– Нет! Нет! – закричала девочка, днесь уже утраившись за своего возлюбленного, забыв на чуток, что он есть Бог и тревожно дернулась, не зная как остановить гнев Граба направленный такой мощью против Огня.

– Раздавлю всех! Любого! – властно молвил юноша, и стремительно подскочив к девушке, крепко схватил ее за плечи и потянул к себе, жаждая обнять али, что-либо больше.

Граб был так силен, груб, а в его руках ощущалась такая мощь... мощь отвергнутого, объятая гневом мужчины... уже не мальчика, что Владелина не смогла с ней справиться и громко закричала:

– Отпусти! Отпусти меня! – теперь девочку охватила паника и она, вырываясь из удерживающих ее рук, уже, похоже, не слышала ни себя, ни клекота птиц, ни успокаивающего голоса Словуты.

– Граб! – нежданно гулко пролетел тенор Огня, выплывший из тьмы позади парня. – Отпусти Владелину!

Юноша немедля замер, по-видимому, напуганный столь внезапно раздавшимся голосом Бога, а миг спустя и проявившейся в темноте всей его худой и единожды могучей фигуры. Юница торопливо дернулась и, наконец, вырвавшись из рук мальчика отпрянув назад, чуть зримо содрогнулась. Огонь медлительно протянул в ее направлении руку, и Влада ведая, что лишь подле любимого найдет опору и защиту, тотчас кинулась к нему, крепко прижавшись к его ноге. Граб неторопно развернулся в сторону Бога, и низко склонив голову, застыл.

– Владелина принадлежит мне, – очень мягко сказал Зиждитель, стараясь тембром своего голоса успокоить обоих детей и в первую очередь не напугать юницу испытываемым им недовольством. – Более никогда не смей к ней прикасаться, пугать своими чувствами и действиями.

– Да, Зиждитель Огонь, – не мешкая отозвался парень и ноне лицо его побелело. Он тяжело качнулся и чуть слышно застонал. – Я не знал... Не знал... Я люблю ее.

– Надеюсь, ты, Граб понимаешь, – теперь глас Бога играл серебристыми переливами словно песня. – Что мы вряд ли, милый мальчик, можем соперничать с тобой, ибо Владу уже выбрала меня. А ты, покуда, умири свою плоть, и коли не можешь сдерживаться, не подходи к ней. В следующий раз я не буду с тобой беседовать... Поступлю по-иному, также грубо, как только, что ты жаждал поступить с Владой, оно как недопустимо, чтобы мужчина брал любимую силой, наносил ей огорчение своими чувствами и поступками. Такому человеку недолжно называться мужем и ратником, и ему нет места в воинстве Воителя.

Огонь бережно сжал вздрагивающие пальчики девушки и вмаle пропал с ней из неотрывно следящего за ними взора Граба.

Влада тем же вечером в капище в своей комнате, уже немного погодя успокоенная и обласканная Огнем, попросила никому из Расов не рассказывать о случившемся. И Огонь выполнил ее просьбу, впрочем, как и Дажба, на тот момент, получающий всю информацию о девочке через порученцев Словуты так, что произошедшее меж ней и Грабом оставалось в неведении все это время даже для Небо и Дивного, теперь почасту отбывающего из Млечного Пути. Граб больше не приходил к юнице, а когда встречал ее в поселении, низко кланялся, так как делал всяк раз при виде Богов. Владелина не гневалась на мальчика, но внутри себя затаила страх... совсем слабый... едва ощутимый. Каковой покуда не ушел и изредка вспыхивал мощной мертвой хваткой на ее плечах и сырым раздраженным дыханием, что шел от Граба.

О том случае Владу вельми остро вспомнила когда Воитель предложил ей выбрать войводой Граба, твердо сказав на данное предложение – нет! Также твердо, хотя более в мягкой форме, Воитель сказал и про Рагозу, и посему они не смогли прийти к общему выбору. Бог, конечно, мог уступить девочке, поелику ее желание для Расов были превыше всего... Но в поселении нужен был правитель, не номинальный, каким была Влада, а настоящий, тот который будет управлять людьми после отбытия Богов, гомозуль, альвов и духов. Чаще всего этот выбор... первый выбор правителя осуществлял Бог, в чьем управлении находилась Галактика, Система, планета, ибо только Зиждитель мог и умел избирать достойного. Тем паче, ноне и само поселение Лесные Поляны, и сама Земля, и в целом Галактика имели такое важное и первостепенное значение для всех Богов!

Девушка сызнава чуть слышно дыхнула, еще плотнее прижавшись к телу Небо и негромко добавила:

– Воитель сказал, что Рагоза слабый и не сможет противостоять моще Граба. А я сказала, что Граб не обладает чувством справедливости, ему не доступно понятие... понятие праведности. Он все привык решать кулаком, а это не верно.

Владелина нежданно судорожно вздрогнула от направленного на нее взгляда Воителя, мощно вдарившегося ей в лоб и прерывисто качнув головой, единожды скривив лицо, торопливо вскрикнула:

– Не смотри! Не смотри на меня так. Не могу! – и незамедлительно уткнулась лицом в бок Небо, стараясь схорониться подле него.

– Воитель прекрати! Сколько, в самом деле, можно напоминать! – раскатисто повелел старший Рас, почасту разговаривающий с этим сыном вельми строго, и, одновременно, с тем обнял сидящую подле него юницу сдерживая ее напряжение и остужая томление в голове.

– Почему мне так сложно стало выносить эти взгляды? – совсем тихо прошептала Влада, наблюдая под губами, что почти касались материи золотой рубахи Бога, легкое ее колебание. – Ведь раньше могла.

– Ты очень чувствительна, – нежно молвил Небо, голубя перстами кожу ее лба, чтобы тем касанием однозначно снять всякое беспокойство. – Ежели невыносимо, не стоит и терпеть. Просто Воитель, забылся! Не хотел тебя огорчить.

– Я знаю, – чуть громче отозвалась Владелина так, чтобы слышал и весьма расстроившийся Воитель.

А белый зал в капище на маленько погрузился в тишину. Лишь едва слышно поыхивая колебали своими рыхлыми бочинами, купно сбитые нонче в комы голубоватые облака, придающие легкую голубизну не только зеркальным стенам, но и допрежь того кипельно-белому полу. Неспешно поднявшись со своего кресла, прошелся по залу обок стен Дажба. Этот молодой, али вернее совсем юный Бог, вельми нуждался не только во внимание всех членов печище, но и особом отношении Небо. Посему он подолгу не мог находится от него вдали... Вот и в этот раз Дажба медленной поступью обошел по коло помещение и остановившись позадь кресла старшего Раса оперся руками о его пышнотелую грядушку.

– Кто такие, эти Граб и Рагоза? – немедля спросил Небо у младшего Раса, точно ждал, когда он займет место подле него. – Ты их знаешь? прошупывал, мой дорогой малецык?

– Да, Отец, прошупывал, – откликнулся Дажба, прерывая свои думы. – Воитель прав Рагоза слабый отрок, его вообще не надо было отбирать в ратники. Ему бы больше подошли занятия с альвинками, ибо его стезя не бой и битвы, а любомудрие... Было бы замечательным если б его учила, наставляла Вещунья Мудрая, я о том сказывал Седми. – Дажба вскинул очи и по теплому взглянул на старшего брата, и тот немедля просиял ему в ответ. – Я не присутствовал при отборе мальчиков гомозулями, а так бы запретил трогать Рагозу, его надо было оставить для альвов. Когда же прибыл обратно мальчик уже занимался с Веским и я решил не вмешиваться, чтобы не навредить. Но мальчик весьма далек от брани... весьма.

– Вещунья Мудрая сказала про Рагозу, – вмешалась в течение речи Бога девушка. – Что он сияет столь ярко, что тот свет невозможно не приметить... Что из таких сияющих душ вырастают замечательные люди, каковые своими неординарными способностями, высоким нравственным началом осветят путь ступающим подле них.

– Да, – вторил ей Дажба, порой плывущий, чувствующий на единой с юницею волне. – Рагоза именно такой. Он был бы хорошим главой поселения, но он станет никудышным войводой, тем кто войско водит. Так, что Воитель прав Граб самый лучший в том отношении отрок.

– Нет! – твердо молвила Влада, резко отпрянув от Небо и недовольно зыркнув на стоящего позади них Дажбу. – Нет, не Граб! – девочка тягостно задышала, по-видимому, и впрямь никто не знал о произошедшем меж ней и парнем, потому тревожно переглянулись Небо и Седми.

– Но если Владушка считает, что Граб по какой-то причине того звания не достоин, – немедля поправился Дажба, поелику он был осведомлен обо всем, и нежно улыбнулся юнице. – Я с ней соглашусь.

– Нет, не в том дело, – девушка резко смолкла, не в силах объяснить тревожащих ее мыслей, и, пугаясь того, что Дажба заподозрит, таящуюся в ней обиду на Граба. – Просто войводой должен быть справедливый человек. Кто может и умеет усмирить свой гнев, воздержаться от удара, когда надо... Граб не такой. Он все и всегда решает кулаком, у него нет чувства беспристрастности, спокойствия оно может унять его товарищей без того, чтоб не набить нос. Лучше тогда Ратша, коли Воителю и Дажбе не нравится Рагоза... лучше Ратша... Он всегда праведен и никогда попусту не дрался. Воитель, – девочка устремила взгляд на Бога и мягко ему просияла. – А Ратша? Я тебе еще утром про него хотела сказать, но ты так твердо был против Рагозы, что я не решилась настаивать.

Воитель не менее ласково воззрился на Владу и едва заметно приподнял плечи. Вже не ведая, что ответить али может не соглашаясь, но при этом, не решаясь озвучить вслух свои мысли и тем расстроить, и так явственно встревоженную девочку.

– Дажба, что Ратша? – поспрашал это уже Бог Седми и вновь переглянулся со старшим Расом, который дотоль внимательно вглядывался в юницу, явно прошупывая ее.

Небо удалось мягко и так, что Владелина не поняла прочесть ее мысли, посему-то изогнутые, слегка вздернутые брови его и вовсе недовольно вскинулись вверх. Он в упор зыркнул в мышастые глаза старшего сына тем самым передавая ему мысленное сообщение, и нежно при том провел дланью по выюющему хвосту юницы, прихорашивая в волосках выбившиеся из общего строя завитки.

– Ратша как воин хуже Граба, но... – начал было Дажба, и резко смолк.

И тотчас молвил Небо, судя по всему, сообщение было послано не одному Седми, а еще и Дажбе:

– Раз наша драгость против какого-то там Граба, так не будем о том более толковать, – и старший Рас бросил вельми горячий взгляд в Воителя, порывисто встретив на его голове русые волосы, так точно огрел его хлестким ударом... аль затычиной.

Все происходящее тут в зале, было всего-навсе игрой, оной, таким образом, Боги хотели порадовать девочку, придав ей значимости собственного положения. Так порой играют родители со своими детьми, в игры кои не столько имеют смысла, сколько сплачивают их чувства. Небо, Зиждителю у которого было столько дел не только в Млечном Пути, но и в других Галактиках, конечно, было ни до детей, и даже ни до Земли... Он бы, верно, и ни стал интересоваться такими вопросами как войвода и его выборы, но днесь на Земле жила лучица... Лучица, в которой нуждались сами Боги. Да и юный Круч попросил Асила о той встрече, об обмене духами, и этому молодому божеству нельзя было отказать. Просьба его была передана старшим Атефом, на встрече братьев, Першему... И Димург, как и понятно, настоял на ее выполнении. Потому нынче и разыгрывались выборы войводы, чтобы единожды включить в этот процесс и драгоценную для Зиждителей девочку.

– Да, нет же... нет, – торопливо молвила Влада вроде почуяв промелькнувшее беспокойство про меж Расов. – Я же объяснила, почему против.

– Да, Владушка, мы поняли, – проронил Небо, и, склонившись к сидящей подле девушке, поцеловал ее в макушку. – Ты не тревожься только. Дажба, малецык, что насчет этого мальчика, как там его назвала наша милая девочка?

– Думаю Ратша самый достойный войвода, – обаче молвил не младший Рас, а Воитель пригладывая на голове свои средне-русые волосы, выбившиеся с под обода и обидчиво зыркнул на Небо. – Надо было тебе Владушка предложить его вместо Рагозы и я бы согласился.

– Просто Вещунья Мудрая про него... про Рагозу так хорошо сказывала, – уже много бодрее откликнулась Владелина. – И я с ним подружившись поняла, что он хороший отрок и задел меня тогда, – сие юница сказала одному Воителю, точно продолжая прерванный по утру разговор, когда Богу, так и не договорив, пришлось уйти. – Потому как он нуждается в любви... как и я, нуждалась все это время.

– Значит так и решим, – отводя грусть отроковицы в сторону и плотнее обнимая ее рукой, протянул Небо. – Войводой назначите этого мальчика, он и поедет с Седми на обмен, коли ты мой дорогой не передумаешь.

Старший из сынов Расов медленно перевел взор с лица девочки на Отца, и слегка искривив губы, слегка качнул головой, похоже, это значило, что он не передумает.

– А, я, Отец... Почему я не могу поехать с Седми? – просящее дыхнула Влада и торопливо вздев голову с трепетом во взоре уставилась на Бога. – Можно мне, пожалуйста? Ты спрашивал давеча, может, я чего желаю, и ты это исполнишь, чтобы порадовать меня. – Лицо Небо недвижно замерло, словно перестав не только выражать чувства, но и подсвечивать кожу золотым сиянием. – Порадуй меня, отправь вместе с Седми, пожалуйста.

– Нет, – весьма решительно отозвался старший Рас. – Ты не можешь поехать. Во-первых, потому как Круч из Атефской печищи не должен тебя видеть... А во-вторых, через два дня ты поедешь на весьма важную встречу и ее невозможно отложить. Как только ты побываешь на встрече, я смогу вновь заняться прерванными делами.

– Что это за встреча и с кем? – заинтересованно спросила девушка, с трудом подавляя в себе разочарованность из-за отказа Отца.

– Это очень важная встреча, – в голосе Небо послышалось не присущее ему волнение, и он ласково провел указательным пальцем по щекам юницы. – От нее слишком много зависит... И не только в твоём будущем, но и в нашем. Посему как я не могу отложить ее, ибо все уже сверено, прошу тебя побережь себя.

Глава седьмая

Небо так и не объяснил с кем предстоит встреча Владе и заинтересованная этим, она вроде как и не сильно опечалилась тому, что не узрит обмен духами. На следующий день, перед своим отбытием из Млечного Пути, Воитель, собрав на площади всех гомозуль и ратников, объявил о принятом решении избрать войводой Лесных Полян Ратшу, правую руку болярины Владелины. А также сообщил вновь избранному войводе, что через день тот вместе с Зиждителем Седми, как представитель людских поселений, отправится для встречи духов земли Бога Асила.

Дотоль земледелием как таковым дети не занимались. Без сомнения под доглядом духов дети сажали корнеплоды на огородах, но не взращивали зерновые. Духи приготавливали не столь часто хлеб... вернее молвить очень редко, из тех запасов, что привезли с собой на Землю, словно просто приучали к его вкусу детвору. В целом питание ребятни составляли мясо, овощи, яйца, молоко. Впрочем, с прибытием на Землю Бога Асила покровителя хлебопашества, духи, подчиняющиеся и созданные им, должны были обучить мальчиков науке орать землю. Сами же зерновые семена детям по замыслам Зиждителей подарит Бог Круч, для того ноне так был надобен Расам войвода, каковой всегда... всегда и во всем сможет подменить Владелину.

Отроки в тот же вечер, что Ратша был избран войводой, оному все ратники обязаны были подчиняться, устроили празднование с игрой на гусях и бубнах, подле мощного костра, на нарочно для того устроенном в конце поселения месте. На тот праздник, конечно, позвали и своего болярину Владу. И хотя девочка последний год почти никогда не ходила на веселье, в этот раз решила изменить себе, и в сопровождении Златовласа и Миронегга, зашедших за ней, направилась на праздник.

За последней полосой домов, недалече, при том одначе на достаточно безопасном расстоянии от леса, на округлой поляне в центре собрали большой костер, где покатые бревна, словно куца подпирали друг друга, а сухостой, мох и солома плотно закупоривали все стыки меж них. Вкруг того костра были положены стволы для сидения, на ручниках поместились кушанья, простые, не замысловатые: овощи, жареное мясо, вареные яйца, в кувшинах молоко.

На дворе уже значительно померкло и синева ночного неба с серповидным Месяцем и такой же худосочной, исчезающей Луной блекло озаряли засыпающую Землю, когда мальчики и Владелина пришли к костру, подле которого собрались все ратники и те кто был близок и дружен с Ратшей. Костер покуда не зажигали, ожидая прихода юницы, а когда она появилась, мальчишки встретили ее радостными возгласами. И не мешкая, Ратша выхватил из рук товарищей светоч, да вздев ввысь его полыхающее огнем наверхие, громко возгласил:

– Да вспыхнет огонь и засияет свет, каковой дарят нам великие Боги Отцы! Свет, побеждающий тьму! День, побеждающий ночь!

Юноша стремительно ступил вперед и махом сунул горящий светоч вглубь костра. Пламя энергично вскочило на сухую солому, мох, а миг погода перепрыгнуло на ветви и принялось похрумстывая его поедать, всякое мгновение стараясь облизать глади стволов. Густоватый дым пыхнул разом со всех сторон и купно взвился в черно-синие небеса. А немного погода пламя уже плясало на самих стволах, подожженных сразу со всех сторон иными мальчишками. Протяжно застучали бубны подаренные детям гомозулями, а засим заиграли на гусях струны перебираемые пальцами Златовласа. Отроки расселись на бревна и принялись, весело болтая, кушать. Влада сидела подле Злата и Ратши, неотступно следя за выскакивающими из лепестков пламени красными искорками уносящимися порывами дыма в чернь небес, словно жаждая соприкоснуться с тем дальним миром.

– Ты будешь есть? – протягивая девочке мяса и хлеба, оное принесли только ради нее, спросил Ратша, ощущая волнение от нынешней значимости самого себя.

– Нет, не хочу, – отозвалась лениво юница.

Влада вздела вверх голову и залюбовалась долгим полетом одной огненной брызги, похоже, проплывшей подле двух соколов, зримо парящих в вышине. Сине-марность неба, иносредь и самую малость заслоняемая сероватостью дыма, вызарила в лицо девочки, мягко замерцав светом серебристо-белых звезд раскидавших в разных направлениях короткие лучи и своей кажущейся бесконечностью позвала ее к себе.

– Ратша, а почему ты считаешь, что свет должен побеждать тьму? – поспрашала Владелина мальчика, все поколь не смея отвести взора от той зачарованности неба. – Ты, думаешь, что должен быть всегда один свет? И когда в таком случае мы будем отдыхать, ежели не наступит ночь, не придет темнота?

– Чего? – торопко буркнул мальчик и энергично зажевал, перемалывая переполнившее рот мясо, дотоль предложенное отроковице, ибо хлеб, как и положено, он вернул в глубокую мису.

– Ну, ты сказал, свет победит тьму, день-ночь, – повторила юница, и, опустив голову, глянула в несколько ошалелое лицо Ратши. – Разве надобно, чтоб кто-то кого-то побеждал. Ведь можно, чтобы жило и одно, и другое, так красивше будет. Сначала голубое небо покрытое белыми облаками и располосованное лучами солнца, а после ночное... темное. – Владелина подняла вверх руку, и, устремив в небеса перста, добавила, – и усыпанное звездами.

– Не знаю, – немедля отозвался юный войвода и шибутно пожал плечами, по-видимому, не осознав разумности молви девочки. – Так всегда Могуч говорит, когда на праздники костер разжигает, вот и я решил. Нынче ведь мы сами празднуем, без пригляду. Хотя Двужил и Могуч непременно попозжа придут, проверят нас, – и смолк, принявшись за прерванную трапезу.

Прошло достаточно времени, в котором Влада более не заговаривала, любуясь лоскутками огня и безмерным куполом неба над головой, когда осевшие стволы в костре, частью поломавшись в середке, вже перестали изображать кущу, а стали напоминать наваленный в лесу бурелом.

– Ну, чего, – громко вскрикнул Ратша, наконец наевшийся и окриком своим подзадоривая других мальчишек. – Айда, через костер прыгать! Кто выше и дальше!

И тотчас подскочив со ствола, бережно потянул за собой руку Влады. Ребягня торопливо откатила бревна в сторону, освободив пространство для потех, а после принялась, выставя свою удаль прыгать через могуче полыхающее пламя костра. Некие из отроков разбегаюсь, подскакивали ввысь почитай подле горящих углей, взмывая высоко вверх и единожды махом минуя лижущий подошвы их сапог огонь. Другим это не всегда удавалось и они, гулко, плюхая ногами тулились в пламя, одначе, стремительно оттуда выскакивая, тушили объятые огнем сапоги али штаны об землю, что по коло окружала костер. Владелина, затаив дыхание, глядела за тем озорством, мечтая и сама вот также перемахнуть через костер, но всякий раз, когда появлялась та мысль, слышала голос Словуты останавливающий ее. В костер несколько раз подсовывали покатые, короткие бревна и ветви, но он вмале слегка присел своим полыханием и принялся уже больше тлеть, выплескивая лишь жалкие остатки пламя и густоватый дым. И тогда вновь зазвучали гусли и застучали бубны. Густой голос Злата запел какую-то долгую песню, и в ней перемешивалась красота царящей ночи и юности не только этих детей, но и самой Земли.

Липок, ученик Знахарки Прозорливой, бесшумно подойдя сзади, протянул сидевшей на бревне Владелине широкую братину и чуть слышно шепнул почти в самое ухо: «Пей!». Девочка, замороженная пением, в первый морг и не поняла, чего ей сунули, и, приняв из рук мальчика братину, по первому лишь понюхала чуть резковатый аромат напитка, а посем сделала несколько небольших глотков весьма склизкой или вязкой на ощущение жидкости.

– Чего это? – поспрашала она и возвернув братину Липку скривила уста. – Гадость, какая та, – дополнила она свои ощущения.

– Это, – откликнулся Нег, севший в этот раз подле нее, и, забрав у Липка братину в морг опорожнил ее наполовину. – Очень вкусная вода.

– Вода? – проводя по губам языком, протянула Владелина. – Это не вода.

– Нет, не вода, – Липок допил жидкость из братины, и, толкнув в сторону Миронег, присел обок девушки. – Это сушеный мухомор заваренный кипятком. От такого напитка даже легко в теле и на душе, а у особенных людей бывают видения. Таковые люди проникают в иные миры и видят чудные вещи.

– Мухомор.., – повторила юница, внезапно почувствовав как закружилась у нее голова, и что-то весьма звонко заклекотал сокол.

Владе показалось знакомым молвленное мальчиком слово, но нить воспоминаний неожиданно ускользнула. Гулкий удар бубнов, кажется, заполнил все пространство кругом, и также глухо стукнуло в груди девушки сердце. Яркое пламя костра точно резко вырвалось вверх и вскинуло в боки свои огненные, длинные лепестки.

Еще миг и голова девочки запрокинулось назад, тело все напряглось, будто ее скрутила корча, а потом она свалилась с бревна на землю и тягостно затряслась. Дотоль окаменевшие глаза, смотрящие в одну точку, закатились назад, веки, дрогнув, сомкнулись, а изо рта пошла густой пеной слюна. Она еще несколько раз вздрогнула и в мале недвижно застыла.

Липок узрев никогда досель не зримое действие мухоморного напитка, пронзительно вскрикнул, и, упав на колени пред замершей Владелиной, стремительно ощупал ее в мгновение ока охладившееся тело. Однако и теми дрожащими пальцами нащупав тонковидно-бьющую жилку на запястье. Немедля прекратилась игра на гусях и бубнах, ребята взволнованно повскакивали с бревен и обступили со всех сторон девочку.

– Что? Что ты с ней сделал? – громогласно заорал Граб и одной рукой ухватив за шиворот Липка, поднял его с колен.

– Скорей! скорей зовите Вещунью Мудрую, – залепетал негнушным и единожды заплетающимся языком Липок.

И немедля часть мальчишек, сорвавшись с места, кинулись бежать в поселение, обаче они, не успели проделать и треть пути, когда встретили торопящихся им навстречу альвинок во главе с царицей, предупрежденных порученцами Словуты.

– Я тебя раздавлю! Раздавлю! – гнежливо тряс Граб Липка мотыля его из сторону в сторону.

– Отошли! Быстро! – голос Вещуньи Мудрой сразу привел в себя и Липка, и испуганно смотрящего на окаменевшую юницу Граба.

Царица спешно приблизившись к Владелине, и, опустившись на присядки, тревожно ощупала ее лицо, судорожно скрученные меж собой мышцы на всем теле.

– Что тут случилось? – взволнованно спросила альвинка и голос ее заколыхался. – Что Владушка пила, ела? – спрос Вещуньи Мудрой обращался сразу ко всей толпившейся рядом детворе.

– Это... Это сушеный мухомор в напитке, – чуть слышно протянул Липок, несмотря на то, что он уже стоял на ногах, легохонько качнувшись туды-сюды. – Я не знал, что она так... что с ней так.

– Тупица, – глас царицы, словно жесткая пощечина враз ударила мальчика по щеке так, что он окончательно протрезвел. – Знахарка Прозорливая, – властно добавила Вещунья Мудрая. – Принесите чистой воды и пускай все уйдут отсюда... тотчас... Тотчас пошли по домам. – Она торопко обернулась, выхватывая взглядом нужного отрока из толпы, и много мягче дополнила, – Рагоза, мальчик мой, срочно сбегай к Травнице Пречудной за медно-пряным отваром.

Голова Владелины тягостно дернулась, на миг черное пространство поглотило все кругом и всякий звук. Тишина... густая, плотная окутала всю девочку... Та тишина была такой мощной, всеобъемлющей, что было невозможным понять жива ли юница вообще... и есть ли вообще, что-то живое окрест. Огромное облако рыже-огнистого сияния нежданно вроде как, выпорхнув из тьмы, заполонило весь передний план. В доли секунд оно расползлось по черной выступающе-бескрайней дали и яркой оранжевой искоркой в центре принялось закручивать вокруг себя ту огнистость. И казалось Владе, что та махая крупинка, собирая весь свет в яркий диск наматывает его на себя. Все быстрее и быстрее вращалась искра, и с тем же ускорением по мере ее движения сжималось облако. Плотное горящее ядро-звезда, вобрав в себя почти всю туманную дымку, погода сформировалось в том месте. Одначе, часть облака утончившимся от наматывания концом оторвалась от общей дымчатости и заколыхалась подле образовавшейся звезды, неспешно перемещаясь округ, обывая ее со всех сторон и единожды создавая диск. Впрочем, то был уже редкий, разрывчатый диск, будто твореный из кучных облаков вельми медлительно перемещающихся обок звезды. Еще малая толика времени и коловращающийся диск распался на кольца, а те в свой черед на отдельные туманные сгустки. И вскоре уже не было черного пространства окрест, лишь просматривалось яркое мерцание сталкивающихся и слипающихся в планеты материй вещества. Густо рдяное ядро в центре разком крутнулось и мигом сдержало свое движение, а морг погода нарисовалась похожая на Солнечную система... Из каковой вырвались две махие брызги и пропали длинными наконечниками полос в глубине темного марева. И тогда глухой гул, словно отбивающего удары бубна послышался округ, и наполнил тем звуком всю плоть юницы.

Влада тягостно вздрогнула всем телом и открыла глаза, а пред ней плыло сине-черное небо усыпанное звездами и серповидный Месяц и Луна, один рожденный, другой угасающий зыркнули прямо в лицо. Девушка глубоко вздохнула и тотчас ощутила каждую клеточку своего тела какие-то уставше-замершие. Наполненное беспокойством лицо Вещунье Мудрой точно выплыло пред ней. Торопливо шевельнув руками и ногами, Влада криво улыбнулась наставнице, не до конца понимая, что с ней случилось, и каким образом тут возникла царица.

– Ты, как, девочка? – взволнованно поспрашала Вещунья Мудрая. – Что-нибудь болит?

– Нет, – медлительно отозвалась юница, и, поднявшись с земли придерживаемая за плечи царицей, сев, огляделась. – А, что случилось?

– Случилось? – голос Вещуньи Мудрой болезненно зазвучав, осекся... вроде истеряв все присущие ему краски. – Зачем? Зачем, моя милая, ты пила эту гадость? Я ведь тебе говорила, рассказывала по поводу таких галлюциногенных напитков. Я тебе запрещала их пробовать, тем паче пить... нарочно давала нюхать. – Перста наставницы сжимающие плечи отроковицы судорожно дернулись. – Разве можно такое творить... Ты... ты, могла себя погубить, не приди мы во время на помощь.

– Я... – покачала головой девушка и тревожно ощупала себя, все доколь не воспринимая слова царицы, одновременно не воспринимая собственную плоть и чувствуя от нее какую-то отстраненность. – Я видела такое... такое... Что это было?

Владелина надрывисто сотряслась и царица, враз переместив руки с плеч, придержав ее под спину, сунула к губам братину с каким-то буроватым отваром.

– Выпей, пожалуйста, моя дорогая, – мягко и меж тем повелительно сказала Вещунья Мудрая, и, не дожидаясь, когда девочка начнет пить, принялась с силой вливать в приоткрытый ее рот отвар.

Торопливо сделав несколько глотков, Влада, наконец, обрела свои губы... А немного погодя, когда отвар докатившись упал в желудок осознала, что она насквозь мокрая, кругом кроме царицы и ее сподвижницы никого нет и костер уже почти потух, лишь кое-где еще выпускал голубоватый дым вверх.

– Ей уже лучше, – тревожно протянула Знахарка Прозорливая и подала царице одеяло. – Укрой ее оррар, иначе она застудится.

Вещунья Мудрая торопливо подняла на ноги юницу, и, оберев одеялом, укутала вместе с головой, да сызнава усадив теперь уже на бревно, подала братину с напитком.

– Пей, девочка моя... надобно как можно больше выпить, – полюбовно протянула она, стараясь тембром голоса и поглаживанием спины снять всякое напряжение с Влады.

Отроковица отрешенно взглянула на братину, все-таки с трудом воспринимая речь, как таковую и неожиданно в блеснувшей крупинки лунного света упавшего на бурую поверхность воды увидела ту самую искру, закручивающую на себя рыже-огнистое облако.

– Пей же. Пей моя милая, – еще более тревожно произнесла царица, ощупывая холодный лоб девочки.

Однако, Влада была не в состоянии, что-либо выполнять, так как все еще видела пред собой незабываемое видение чего-то вельми масштабного и явно не доступного человеческому разуму.

Глиняная братина не просто уткнулась в губы, она, раскрыв их, полезла в рот и вновь начала изливать в глубины организма девушки отвар, вкус которого немного погодя стало возможным ощутить. И та нестерпимая горечь мгновенно переполнила рот Влады да резкой, жаркой волной ударила в голову. Порывчато дернувшись из удерживающих рук царицы вправо, отроковица выплюнула тот горький настой на землю, а после принялась рывками рвать.

– Знахарка Прозорливая, – проронил трепыхающимся голосом Липок, вынырнувший из мрака ночи. – Я принес еще воды.

– Хорошо, – откликнулась сподвижница царицы, стоявшая малость позади девушки и махнула рукой в сторону, повелевая в шаге от костра поставить деревянное ведро.

Девочка закрыла рот рукой и тяжело вздрогнула всем телом, ощущая новые позывы требующие освободить переполнившийся тем горьким отваром желудок.

– Не стоит себя сдерживать, Владушка, – удрученно сказала Вещунья Мудрая и утерла лицо юницы углом одеяла.

Царица поколь поглаживая девочку по голове, не торопко поднялась с присядок, и, развернувшись в сторону стоявшего недалече мальчика, нерешительно сжимающего в руках плетеную веревку удерживающую ведро, гневно на него воззрилась. Она тем пронизывающим взглядом, словно жаждала истеребить Липка. Пару минут спустя все также неспешно Вещунья Мудрая убрала руку от головы юницы, сделала шаг вперед и наполненным металлическим дребезжанием голосом молвила:

– Липок, расскажи мне о мухоморе и настое из него.

– Мухомор, – немедля стал говорить мальчик и задергался не только его глас, но и весь он сам. – Это чудодейственный гриб, подаренный великим Зиждителем печищи Димургов, из какового ведуны рода белоглазых альвов делают отвар и воспевают песни: «Мы выпили суру и стали бессмертны. Мы достигли света и нашли там Богов». Выпив того настоя ведун достигает особого состояния и может заглядывать в будущее, узнавать о грядущих бедах, тем самым помогая и спасая людей от болезней и горестей. Неможно использовать тот настой не подготовленным людям, не ведунам, ибо таковые порой заканчивают слабоумием и смертью.

Липок смолк, а ко рту Влады сызнава подкатила рвота, которую уже не удалось сдержать. Судорожно выплюнув пустую и весьма горькую воду себе под ноги, девочка надрывчато качнулась. Знахарка Прозорливая поддержав ее под спину, тотчас присела подле и заботливо утерла влажным ручником лицо, губы, обильно покрывшиеся потом.

– Хорошо знаешь, Липок. Молодец! – произнесла раскатисто царица, и теперь ощутимо послышалось в ее тоне раздражение. – Однако как я погляжу, ты нарушил нерушимые правила ведунов, и подверг опасности не только жизни и умы мальчиков, но и бесценную для Богов жизнь Владушки.

Отрок наново порывисто сотрясся, а вместе с ним, словно ощутив его страх содрогнулась и девушка, чувствуя скрученность и тянущую боль в мышцах рук, ног, пальцев и меж ребер, появившуюся только, что.

– Ты, нарушил то, чему тебя учила Знахарка Прозорливая, – глухое эхо исторгнутое устами Вещуньи Мудрой отозвалось в голове девочки и одновременно заклекотали соколы, парящие в ночной вышине, будто посылая тот зов в само ее ухо.

– А... а... а... – простонала Владелина и обхватила руками болезненно затрещавшую голову.

Знахарка Прозорливая не мешкая вскочив на ноги, убрала руки девушки от ее головы. Много нежнее она оплела голову девочки своими руками, положив длани на лоб и затылок, и слегка потянула ее вверх, вроде исправляя спину и снимая тем напряжение и боль в теле, томление в недрах самого мозга.

– Нарушил нерушимые знания, каковые тебе дарят, – продолжила сказывать царица, стремительно обернувшись назад на стон девочки, а узрев лечащую ее сподвижницу, много ровнее задышала. – А посему я повелеваю Знахарке Прозорливой наказать тебя, так как это положено у нас белоглазых альвов. Иди домой и собери все, что надо для того.

Лицо отрока дернулось, не только черты на нем исказились, но и тонкие губы изогнулись дугой, еще верно мгновение и он бы разревелся.

– Вещунья Мудрая, – вступилась за мальчика Владелина, она хоть и не видела его, абы сидела к нему спиной, но слышала пронзительно-свистящие дыхание того. – Липок... он...

Несмотря на то, что после лечения под руками сподвижницы голова девушки стала многожды яснее и лишилась, какого бы то ни было, томления, слова все еще плохо ей подчинялись, впрочем, как и язык, будучи вяло-неповоротливым.

– Помолчи, пожалуйста, моя милая, – немедля отозвалась царица, сказав то дюже мягко и одновременно удрученно. – Ты, по-видимому, забыла, что тебе говорил Зиждитель Небо о встрече... о том, как она важна, и, что надобно себя побережь. С тобой будет толковать Зиждитель Дивный погода... как только тебе станет легче... А, ты, Липок, – теперь Вещунья Мудрая опять сердито глянула на мальчика суетливо поставившего ведро себе под ноги. – Выполняй, что я велела, твоя наставница придет следом.

Отрок едва зримо сотрясся всем телом и данное трепыхание девочка сызнова ощутила, вторив ему колыханием конечностей. Он медлил совсем чуток, а затем склонив голову в поклоне, быстро побежал в поселение, вскоре пропав в темноте.

– Я просто... просто, – вмешалась в тишину ночи Влада, уже и не ведая, как избавить товарища от наказания. – Просто не поняла, что это.

Вещунья Мудрая никак не отозвалась на те слова, всего-навсе малозаметно кивнула сподвижнице, и последняя торопко отойдя от Владелины, направилась вслед за убежавшим мальчиком, на ходу подняв и вылив из ведра на землю воду да забрав его с собой. А когда она также как Липок пропала в ночи, из марева тьмы вышел Огнь. Бог протянул навстречу сидящей девушке руку, и трепетанием вытянутых перст позвал ее к себе. Царица, немедля застыв на месте, поклонилась. А Влада меж тем слегка повертав голову в бок, узрев Бога, нежданно и вовсе не захотела никуда идти. Тонкие перста Зиждителя, по каковым словно перемещались огнистые искры, колыхнули своим золотистым сиянием кожи, и девочка, взглядевшись в них, точно провалилась в глубокую черную мглу, где поколь и не наблюдалось ничего живого, однако, однозначно, что-то пыталось родиться.

– Нет! – тихо проронила девушка, и медлительно вскинув голову, воззрилась в очи Бога даже в той темноте зримо проступающие своими радужнозелеными огнями. – Свет не победит тьму... ибо он от нее зависим.

– Поди сюда, милая моя, – мягко позвал юницу Огнь.

И Владелина послушная его слову не торопко поднялась, да малость покачиваясь вправо... влево, придерживая одной рукой одеяло, обнимающее ее тело, направилась к Богу. Огонь торопко, несмотря на присущую ему медлительность, поднял юницу на руки, и, нежно прижав к груди, молвил, обращаясь к царице:

– Вещунья принесешь сухое белье, – кажется, и, не сказав то, а указав единым взглядом, и миг спустя вместе с девочкой искоркой исчез с глаз долой.

Но только лишь затем, чтобы немедля внести ее через завесу, в белый зал, в оном кроме Дивного никого не было. Огонь спустил с рук девушку и впервые не покинул помещение капища, а направился к креслу, что стояло супротив старшего Расы, неторопливо на него опустившись. Все также степенно он оперся спиной об ослон пузырячатого, облачного кресла да прикрыв очи, замер, словно задумавшись аль задремав.

– Владушка, драгость моя, подойди ко мне, – молвил умягчено Дивный и диск в наверхие его венца повернувшись вокруг своей оси, блеснул ядренистыми переливами солнечных бликов.

Девушка беспокойно зыркнула на Огня, ожидая его ухода. Обаче так как Бог никак себя не проявил, оставаясь замерше восседать в кресле, неспешной поступью направилась к старшему Расу.

– Небо ведь тебе говорил, – произнес Дивный стоило юнице остановиться в нескольких шагах от него и поправить сползающее с плеч одеяло. – Что тебе предстоит весьма важная встреча? – Влада энергично кивнула и сызнова от того резкого движения ощутила легкое покачивание внутри желудка остатков выпитого отвара. – Присядь, – еще нежнее добавил Бог.

Он протянул в сторону стоящей девочки руки и обхватил ее стан, желая поднять к себе на колени. Владелина резко вздела голову и глянув прямо в бирюзовые очи Зиждителя, чуть слышно спросила:

– Что это? Что я видела, Отец? Такая красота и мощь! Разве могут это творить Боги? Вы? Огонь? Такие... – Отроковица смолкла, оглядела могучие в сравнение с ее телом и столь крохотные в сравнении с виденным руки Зиждителя и дополнила, – такие маханькие с той огромной и несравнимой ни с чем силой. Нет, – и вовсе шепнула она, ощущая легкое дуновение ветра подле волос, с каковых сползло одеяло, и заструилось своими краями по телу, точно руки ее ослабев были не в силах его удерживать. – День не должен побеждать ночь, лишь сменять.

Дивный немедля поднял девочку, и единожды махом положив ее к себе на ноги, заботливо прикрыв спадающим одеялом, вроде как упеленал в него.

– Да, – также негромко протянул старший Рас, и, склонившись к голове юницы, прикоснулся губами к ее лбу, тем самым мягко прощупав. – Только сменять... Ночь должна сменять день. Нет борьбы между светом и тьмой, потому что это две синонимичные материи, явления... и не может быть жизни одного без другого.

– Что я видела? – спросила девушка, ощущая на коже лба как касание губ Бога сменились на его перста, словно укачивающие ее.

– Ты видела рождение, – уклончиво и неспешно роняя слова, ответил Зиждитель. – Рождение... Быть может чего-то мощного как система, звезда, планета, а быть может менее значимого, но столь необходимого как естество, тело.

– Рождение, – протянула отроковица, и устало сомкнула очи, под движением пальцев, словно надавивших ей на лоб. – Это так красиво! Незабываемо!

Губы Влады тягостно сотряслись, и глубоко вздохнув, она мгновенно заснула. Прошла малая толика времени, в коей по залу витало отишье, нарушаемое колыханием купно собранных в долгие разрывчатые полосы голубоватых облаков в своде, и заструившаяся сверху вниз серебристая завеса, отразившись легкой зябью в зеркальных стенах и гладко отполированном кипельно-белом полу, выпустила из себя старшего Расы. Обряженный в белое долгое одеяние, обшитое золотыми полосами по подолу, краям длинных рукавов и клиновидному вырезу, сверху на оный был накинута кипельно-белый плиссированный плащ, будто проходя-

щий подмышками рук одним своим краем и схватывающийся на груди ромбовидным смарагдом, в своем занимательном венце Небо явно смотрелся только, что прибывшим издалека.

– Я ведь просил Дивный, – негодующим тоном молвил Небо и сразу бросил взор на спящую на коленях брата девочку. – Проследить за плотью, чтобы все прошло спокойно. Ты же знаешь ноне ей предстоит встреча с Першим. Он будет досадовать на меня за видение.

– Ну, что ж, – насмешливо откликнулся со своего кресла Огонь, покуда так и не отворив очей. – Придется перенести встречу.

– Перенести? – по-видимому, Небо совсем опечалили слова сына. – Если бы я мог, дорогой мой малецык, но я итак переносил встречу два раза. И в прошлый раз, Перший мне не двусмысленно сказал, что идет на уступку последний раз... и только ради девочки. Нет, перенести не удастся... Как так получилось, что лучица вновь испытала видение? – теперь вопрос направлялся лишь Дивному и голос старшего Раса значительно посуровел. – Это весьма вредно для здоровья, как девочки, так и лучицы, тем паче сейчас, когда предстоит встреча с Димургами.

– Небо, – Дивный также говорил, не скрывая недовольства. Хотя выдыхал слова бесшумно, словно боялся потревожить спящую на его коленях юницу, свернувшуюся маханьким таким клубочком. – Я тебе сказывал о том допрежь, что когда ты забираешь Дажбу мне сложно проследить за девочкой... Надобно переориентировать управление порученцами Словуты с тебя на Огня. Малецык днесь будет все время находиться в Млечном Пути и посему информация о плоти мгновенно станет поступать на него, без привлечения и содействия Дажбы... А так один глоток напитка и я не успел удержать девочку от иного, поколь мое веление достигло тебя, а после до летело до нее. Вот тебе и транс, и видение, что в целом весьма естественно для лучицы, да еще с такими мощными способностями, коими она обладает. Право молвить ноне оно прошло как-то более мягко, точно лучица старалась снять любые его болезненные последствия для младших Богов.

– Одначе оно было достаточно сильное, – молвил Небо, и, тронувшись с места, направил медлительную свою поступь к креслу брата. – По-видимому, это ее творение.

– Возможно и скорее всего первое, – неуверенным тоном протянул Дивный и поправил одеяло, прикрыв выглянувшую с под него ногу девушки. – Ты, несомненно, прав говоря, что ее способности схожи со способностями Першего и Дажбы... Одна из коих видется уже теперь, способность смыкать пространство и заглядывать наперед. Только в отличие от Дажбы у нее больше порывистости и силы... несравненно больше. Представляю, как лучица нас измучает в своей последней жизни, вряд ли кто из сынов сможет участвовать в соперничестве.

– Что ж за такие уникальные, неординарные способности явственно придется бороться старшим Богам, – произнес Небо, и, достигнув кресла брата, остановившись подле, словно навис над спящей Владой с теплотой во взоре оглядев ее улыбающееся во сне личико. – Так хочется, чтобы она вошла в нашу печищу... Такая неповторимо сияющая лучица, такое неповторимое Творение.

Бог не торопко протянул в направлении юницу руку и перстами любовно огладил нежную кожу ее щек и лба, просяив еще мощнее так, что переливы света на его лице наполнились насыщенной златостью.

– Девочке надо отдохнуть, – протянул, сызнава подавая голос, Огонь и отворив очи, с не меньшей теплотой посмотрел на отроковицу. – Я отнесу ее в комнату и повелю альвам переодеть. Не хватало еще, чтобы после пережитого видения она захворала. Пусть поспит перед дорогой... Ежели ты, Небо, не собираешься отменить встречу? – добавил он вопрошая.

– Нет, это невозможно, мой милый... Перший не согласится, – в голосе старшего Раса слышалось не скрываемое разочарование, а пальцы на чуть-чуть замершие на лбу девушки вновь пробежались по коже щек, губ и подбородка, будто Бог любовался дорогим его сердцу чадом. – Но прежде чем, малецык, вы отправитесь к Першему приведешь девочку ко мне. Я провожу ее на хурул, чтобы побыть с ней, а ты покуда Дивный можешь отбыть, – на, что

брат Небо согласно кивнул. – А ты, дорогой мой Огнь, – дополнил он, понижая голос, – перед отбытием побудь с ней...

– Нет, – дуже скоро перебил Огнь старшего Раса и губы его тягостно дернулись, а кожа не только на лице, но и на руках, оголенных от плеча до самых перст, сделалась бледно-белой. – Она и так слишком напряжена... Я не буду ухудшать то состояние, лишь успокою. И знаешь, Отец, – так Огнь как и иные Боги вельми редко называл Небо, – не стоит тревожиться. Думается мне ей будет сложно уйти от нас, девочка слишком нас любит. Да и то, что Седми пере-направил ее чувственность на тебя, скрепила плоть и Расов. Вряд ли лучице удастся совладать с чувствами плоти, ноне она поколь молода и слаба.

Глава восьмая

Влада проснулась в своей комнате в капище, ее голова покоилась на груди Огня, прикрытой белой тончайшего полотна рубахой. Укутанная сверху одеялом и переодетая в ночную рубаху девушка в первый миг своего пробуждения с трудом припомнила о произошедшем ночью... О празднике, видении, наказании Липока и коротком разговоре с Дивным. Огонь, верно, ждал пробуждения юницы, потому как стоило ей открыть глаза и понять где она находится, он ласково, однако довольно сильно погладил ее по голове и спине, как делал почасту, вызывая тем самым безудержное желание близости с ним. Владелина порывисто вздрогнула, и, оторвав голову от груди Зиждителя, потянулась к его лицу, нежно прикоснувшись к огненно-красным губам, прильнув сначала к их ни с чем несравнимой мягкости, а после к щекам.

– Люблю тебя! – тихо проронила она, и, раскрыв объятия, прижалась к груди Бога. – Почему так люблю?

Огонь сызнава огладил девушку, вызывая тем самым трепетание плоти. А когда грудь ее, от прилива нежности, стала туго вздыматься, нежданно обхватил за плечи, и, отстранив от себя, поднялся с ложа. Все еще не выпуская из своей цепкой хватки плечики, Бог усадив напротив себя Владелину, воззрился в ее лицо.

– Что? – взволнованно поспрашала девочка, чувствуя недовольство Бога не только в отражающихся чувствах на лице, но и несколько грубой хватке рук.

– Я тебя уже просил быть осмотрительнее, – протянул Рас, и в голосе его Влада впервые услышала новые нотки схожие с горячностью. – Еще тогда... Когда тот мальчик огорчил тебя. Но, ты, кажется, не понимаешь, не понимаешь, что отличаешься от иных людей. Ты не просто близка Зиждителям. Твоя суть есть часть нашего общего естества, нашего Родителя. И мне совсем не по нраву твоя столь упрямая черта характера искать неприятности и не слушать повелений порученцев Словуты.

Девушка немедля склонила голову, и, сложив руки на согнутые в коленях ноги, пальцем легонько провела по краю рубахи, стыдясь посмотреть в очи Бога.

– Что молчишь? – горячность в голосе Огня погасла и там наново зазвучала забота и любовь. – Разве ты не слышала, что тебе сказали порученцы.

– Лишь после того, как сделала глоток, – едва слышно дыхнула Владелина, не смея поднять на Раса очи.

– Значит, не стоило делать следующие глотки, – дополнил Огонь, вкладывая в свою речь столько мощи, что не только его кожа будто вспламенилась огненно-красными искорками заструившимися по тончайшим кровеносным сосудам, но запыхала и щеки Влады.

Зиждитель страшась, что девушка может возгореться, от сыплющихся с него искорок, медленно поднялся с ложа на ноги. Он сделал пару неторопливых шагов вперед и остановился, повернувшись к Владе спиной и глядя на даль раскиданной пред ним елани призывно преклоняющей свои навершия.

– Ты должна... обязана быть осмотрительней, – продолжил Бог свою прерванную речь. – Ты слишком дорога мне, Расам, всем Зиждителям, чтобы столь безрассудно относиться к своему здоровью. И дело тут не только в том, что Дивный подарив клетку передал тебе жизнь. Дело в том, что любое твое видение, тревоги, боль все мы Боги, и в большей степени я и Отцы, старшие Зиждители ощущаем. Потому ты прежде чем шагнуть должна хорошо подумать.

– Огонь, – резко перебила юница Бога, и, вскинув голову, перевела взгляд с подола рубахи на его затылок, где ноне, как и у нее, волосы были собраны в долгий хвост. – Почему же вы раньше меня не ощущали, не чувствовали мою тоску, боль, любовь и желание быть подле вас? Что случилось после того видения в Выжгарте?

– После того обряда Вещуньи Мудрой... Такого спасительного не только для тебя, но и для нас Зиждителей, – очень тихо пояснил Рас и неторопко развернувшись обдал горячей волной любви девочку, но не той коей одаривал ее как мужчина, а иной той которую испытывает старший брат в отношении младшего. – Установилась связь... Не только с Расами, но и Димургами, Атефами. С одними в большей степени, с другими в меньшей. В зависимости оттого к кому ты ближе. Связь между тобой, нашей дорогой девочкой, нашей бесценной лучицей и Богами.

– Почему? – юница тихонько спросила и также едва зримо вздрогнула ее плоть, как правильно заметил Рас в беседе со старшими Богами, дуже напряженная.

– Потому как ты часть лучицы... Часть бесценной нашей лучицы... Не только для Расов, но и для Димургов, Атефов ты являешься драгоценностью, – немедля ответил Огнь с таковой теплотой и нежностью глядя в очи отроковицы и той мягкостью стараясь успокоить и снять трепетание ее тела. – Ты не как остальные люди... дети, – добавил он с расстановкой роняя слова. – И это не столько телесно, ибо ты девочка, а они мальчики. Сие духовно. У мальчиков скажем, так есть душа. Твоя же суть, основа, лучица, нарочно взращенная для иного, чем то, что положено другим творениям и в частности человеку.

Владу только миг медлила, а посем вскочив с ложа, кинулась к Богу, да крепко обняв его, лихорадочно затряслась, не до конца понимая несколько туманные толкования Огня.

– Я боюсь, – тихо прошептала она, – боюсь, что иная... Всегда... всегда, то девочка, не мальчик... а теперь и вовсе часть какой-то лучицы. Почему мальчики как мальчики, и альвы, и гомозули и вы Боги похожи, а я другая... не такая как все люди?

– Днесь ты бесценное творение. Ибо естество твое есть создание самого лучшего, уникального во всех Галактиках нашей Вселенной Творца. Такая же как и Он, твоя суть изумительна, неповторима, такая же как и Он близкая мне... Мне и всем нам Расам... Атефам... Димургам. – Сие Огнь прошептал так скоро, столь не похоже на его медлительную речь, точно вельми горячился, аль волновался... вложив в каждое слово, как тепло, так и единожды схожую с тоской девочки смурь. – И по причине собственной неординарности своего естества, ты поколь точно отстранена от всех тех, кто тебя окружает... чувствуешь это... Но это пока... лишь пока, – Огнь на малеша прервался и склонив голову поцеловал девушку в глубину вьющихся темно-русых волос. – Придет время, и ты приобретешь свою семью, став подобной им. Обаче даже тогда сохранишь свою уникальную силу и не подражаемость способностей.

Бог еще крепче обвил руками тело девушки, каковое тотчас взволнованно всколыхнулось от тех объятий на малеша вроде, и, забыв обо всем, что только услышала, подавшись любовному трепету. Одначе, Огнь незамедлительно ослабил глубину своих объятий, ощущая в девочке ноне не столько человека, сколько лучицу, а потому и испытывая к ней иные чувства. Он вмале и вовсе выпустил ее из рук и слегка отступил назад, точно хотел сохранить в себе ту братскую любовь, а в ней неудержимое желание близости с ним.

– Нам скоро уходить, – участливо пояснил Огнь, стараясь снять огорчение Влады, явственно нарисовавшееся на лице от его отказа. – Мы сейчас не можем быть близки. У тебя скоро будет встреча... Встреча с Господом Першим и его печищей.

– С Димургами? – девочка незамедлительно переключила свою досаду на присущее ей любопытство.

– Да с Димургами, – согласно кивнув, произнес Рас, и убрал с лица девочки выбившийся из хвоста долгий локон волос. – Та встреча, она очень важная. Как для всех Зиждителей, для Димургов и Першего, так и для тебя.

Владелина, дотоль неотрывно смотрящая в радужнозеленые очи Бога, перевела взгляд и воззрилась в расстилающийся за его спиной поросший густоватой, зеленой травой луг, где кланяющиеся в ее сторону островатыми завитками травы легохонько перешептывались, вероятно удивляясь слышанной молви.

– А если я не хочу, не хочу встречаться с Димургами и не пойду! Они будут как Асил и тот другой щупать, – дюже лихорадочно дыхнула юница, враз вспомнив разрывающие на части ее кожу взгляды.

– Нет, не будут. Перший не будет, не страшись, – умиротворяющее протянул Рас и теперь уже провел дланью по голове юницы, оглаживая волосы не только на макушке, но и в хвосте. – Перший будет мягок и его печища тоже. Ты просто скажешь ему, что тебе неприятны такие взгляды, и никто тебя не станет прощупывать. Димурги не станут делать тебе неприятно, тем паче больно.

– А я могу не идти на эту встречу?.. Или мы поступим так как с Асилом? Облыжничаем печищу Першего? – порывисто спросила отроковица, теперь взглядом дойдя до неблизкой полосы зелени и голубизны, сходящейся во едино елани и неба.

Огонь стремительно ухватил девочку за плечи и легохонько встряхнув, заставил смотреть вглубь собственных глаз, кожа его лица, вновь ставшая молочно-белой, неожиданно лучисто замерцала золотым сиянием, и он удивленно поспрашал:

– Откуда ты слышала это слово?

– Отец так сказал. Сказал, разговаривая с Отцом Дивным, что нам удалось облыжничать Асила с лучицей... И, что он надеется, теперь брату более не будет повадно так задевать Седми, – молвила Влада, не сводя глаз с чуть вздрагивающей тонкой кожицы под веками Бога, купно покрытой махими красно-смаглыми искорками, выскакивающими на поверхность, точно слезинки. – Но я... я Огонь так жаждала... жаждала прикоснуться к Асилу. Мне было так сложно противостоять тому желанию... Мне, кажется, оно отдавалось мощной болью в голове и во всем теле. Потому я и боюсь идти на встречу с Димургами. Я боюсь, что сызнава испытаю это желание... И после буду мучаться, страдать и бояться кому о нем сказать, чтоб не задеть Отца.

– Отца, – раздраженно протянул Огонь, и черты его лица туго дернулись... враз с под века скатились искорки и улетели к долу, упав на зеленые подушки мха. – Не стоит того желания бояться и не допустимо его преодолевать. Коли оно возникнет ты должна его исполнить... Должна подойти к Першему, прикоснуться... Ты должна побыть с ним. – Голос Раса звучал вновь полюбовно поигрывая присущими его тенору серебристыми переливами и тому мотиву подпевала зазвончатость ручейка сбегающего с кряжа и опадающая брызгами на гладь озера. – Я был против того, чтобы облыжничали Асила, да еще и заставляя в том участвовать тебя, моя милая. Но на тот момент меня не было в Млечном Пути и я никак не мог противоречить Небо. А так того бы не произошло. Небо удалось облыжничать Атефов лишь потому как Асил не ведал, кто ты есть... Твое первое видение долетело до нас размазанным толчком и мы не поняли, что произошло, ибо были очень далеко на тот момент от Земли... Одначе с Першим... С Першим тебе надобно встретиться... Поверь, моя драгость, это тебе необходимо и принесет успокоение. Та встреча должна была произойти очень давно, но Небо ее откладывал. Тянул, або у него свои замыслы, те которые порой вредят тебе. И сие хорошо, что он обязан... Обязан тебя показать Димургам. И потому ты увидишь Першего, сможешь к нему прикоснуться. Ну, а все остальное будет зависеть от твоего желания.

– От моего? – переспросила много ровнее девушка, ощущая, что иноредь вспыхивающее в голове томление, вновь переполнило ее лоб и словно выплеснулось в глаза так, что стало плохо видно Бога.

Огонь, приметив состояние Влады и легкое покачивание тела, тотчас склонившись к ней, нежно поцеловал в лоб, снимая тем касанием все тревоги и умягчено ответил:

– Да, все остальное будет зависеть от твоего желания. – И оставшись довольным снятым с девушки напряжением, медлительно провел по ее голове рукой да развернувшись, направился к завесе, уводящей из комнаты. – Перший спросит твоего разрешения, и ежели ты не позволишь, никак тебя не заставит. Поверь мне, он будет очень приветливым и деликатным.

А теперь, – Огнь сдержал свою поступь подле желтоватой завесы, и, обернувшись насыщенностью своего любовного взора, обжег плоть Владелины так, что она качнулась от желания быть подле него, – ты, моя милая, обмойся, покушай и оденься во все чистой... И да, в этот раз украшения не снимай, ноне то без надобности.

Зиждитель еще нежнее просиял, и, ступив в завесу, пропал в ней, а Влада немедля ощутила горячее желание последовать за ним. Она было, уже сделала порывчатый шаг в том направлении, но после все же сдержала себя, решив, что и так достаточно натворила ночью с тем напитком. Ощущая вину не только перед Богами, но и Липком какового, несомненно, как-то скверно наказали, посему не мешкая развернулась и поспешила к озерку, чтобы выполнить указанное Огнем, а именно обмыться.

Водича в озере как всегда была теплой, она чуть слышно перебирала капельками, вроде переплетаясь тем звуком с колыханием луговых трав растущих впереди плотной массой. Влада как-то попыталась дойти до края луга, что зеленой полосой входил в грань голубого неба. Девочка шла весьма долго, но так и не смогла приблизиться к рубежу, как и не увидела какой-либо ограды, стены. Оставшееся далече озеро, когда юница оглядывалась даже не виделось своими отражающимися от глади лучами света, а она обессиленная безбрежностью этой елани легла в густую траву, и, сомкнув очи, заснула. Владелина пробудилась уже на своем ложе, подле нее сидела Вещунья Мудрая и голубя ее волосы попросила более не ходить так далеко, поелику найти в той стороне край невозможно. Девушка так и не смогла понять, где она находится и почему в явно имеющем стены снаружи, капище нет края, ограничения внутри.

Сейчас же Влада, сначала медленно погрузила пальчики ног в воду, как делала почасту, а посем неторопко войдя в воду по грудь, нырнув поплыла к середине озера. Будущая встреча с Богом Першим ее весьма тревожила. Из рассказов царицы альвов она знала, что из Зиждителей сынов Родителя, Перший старший Бог. Он очень похож на Небо и единожды иной. Сила и могущество этого Зиждителя не возможно себе представить, также, как и невозможно оценить его необходимость. Перший является очень важным, как сказывала Вещунья Мудрая, первоочередным звеном в жизни Галактик, и систем и власть его также безгранична, как Небо, Асила и Дивного.

Владу уже давно поняла, что она не только отличается от мальчиков физически, но и обладает уникальностью, именуемой лучицей, она почему-то весьма дорога Богам, и не только Расам, но судя по всему и Атефам, и Димургам. Что такое лучица для девочки оставалось недоступным, потому как царица того не могла объяснить, а Дажба, Дивный поступали точь-в-точь как сейчас повел себя Огнь вельми туманно сказав про ее естество... Вспоминая свою встречу с Асилом и горячее желание прикоснуться к нему, кое до сих пор ее тревожило, девушка услышав впервые нынче от Огня с кем ей предстоит встреча достаточно сильно испугалась, не зная сумеет ли правильно себя повести и тем самым не расстроить дорогого ей Отца, молвь любимого ее успокоила всего-навсего на малый промежуток времени. Потому она купалась дюже долго, стараясь той чистой и теплой водой смыть волнение. И не сразу покинула озеро даже тогда, когда в комнату вошла Вещунья Мудрая, принесла с собой еду, чистые вещи, и позвала выходить на берег.

– Владушка, – вновь нежно протянула имя юницы царица и подошла к кромке воды. – Выходи, тебя уже ждут.

Девочка еще раз нырнула, и проплыв под водой к самому берегу, вынула голову из воды, гулко отплевываясь и утираясь, молвила:

– А почему я должна идти на ту встречу? А если я не хочу? Отец, может передать, что я не хочу?

– Нет, – немедля откликнулась Вещунья Мудрая и присев на корточки протянула в сторону юницы руку, стараясь ухватить ее за плечо. – Зиждитель Небо это передать не может. Он

обязан привести тебя на встречу. Выходи, мое чудо, все рассчитано по минутам. Зиждитель Перший не будет ждать. Он и так досадует на Зиждителя Небо за отсрочку твоего визита.

Царица резко прервала свою речь, так будто сказал нечто большее, али лишнее. А Влада между тем поднялась из воды и шагнула вперед, выходя на берег. Не мешкая, укрыв отроковицу одеялом, Вещунья Мудрая принялась промокать ее тело и волосы, мягко утирая лицо одним его краем.

– А ты видела Бога Першего? – выглядывая с под одеяла спросила девушка, всматриваясь в белые с золотыми завитками света глаза альвинки.

– Да, видела, много раз, – с теплотой отозвалась царица, да широко улыбнувшись, приобняв девочку за стан, повела к ложу, где уже лежала приготовленная одежда, а на низком столике поместилась еда.

– Он тебе понравился? Больше чем Асил? – взволнованно поинтересовалась Владелина.

Она присела на край ложа и лениво взглянула на столик, намереваясь отказаться от еды, так как из-за волнения ощущала полное отсутствие аппетита. Однажды царица положила на тонкий кусочек хлеба белый срез сыра, и, подав его вместе с братиной молока юнице, легохонько кивнула, поощряя брать и кушать. Раньше, когда Владу жила вместе с мальчиками, да и потом, до видения хлеб для нее, как и для иных ребят был роскошеством. Хлеб кушали редко и лишь по праздникам, и девочка весьма мечтала его поесть вдоволь. Но днесь когда все изменилось и хлеб, почти исчезнувший со столов мальчиков, весь перекачивал к ней, о чем правда юницы не знала и даже не подозревала, желание есть его, несколько иссякло. Впрочем, ежели быть откровенным, после встречи с Асилом у Владелины и вовсе пропал аппетит. Не хотелось не то, чтобы кушать, но порой даже и пить.

– Да, Господь Перший мне много ближе чем Бог Асил, – благодушно проронила Вещунья Мудрая и прикрыла оголившиеся плечи отроковицы сползшим вниз одеялом. – Потому как он очень дорог моему Творцу, Зиждителю Седми.

– А мне Асил понравился, – по всему вероятно, Влада уже и не слышала наставницу да откусив хлеба с сыром запив все большим глотком молока и почти не жуя, сглотнула, торопко отправляя еду в желудок. – От него так нежно пахло... Я уловила дуновение луговых трав и сладковатый аромат только, что вскопанной земли. Я очень хотела к нему подойти и прикоснуться. Если бы Отец мне это позволил. Прикоснуться к нему и к его сынам... особенно к тому, который был самым мощным и с желтоватой кожей. – Девушка на чуток замерла с открытым ртом, в каковой так и не успела сунуть хлеб с сыром. – Его звали Велет.

Владелина так и не доела хлеба с сыром вернув его на тарель. Она только допила молока, также отказавшись от каши, мяса, как при том не убеждала ее наставница, что необходимо хорошо питаться, засим принявшись одеваться. Царица обрядила девочку в золотистую рубаху без рукавов и ворота распашную книзу и едва прикрывающую колени, такую каковую носил Огнь. А на ноги обула сандалии с загнутыми кверху носками, тонкой подошвой крепившейся белыми ремешками к стопам. Один из ремешков начинался подле большого пальца и соединялся со вторым, охватывающим на три раза по кругу голень. Таких сандалий у нее еще не было, дотоль она их видела на ногах Зиждителей. И, потому, когда царица их одела на ноги, укрепив на голени ремешки, Владелина долго оглядывая, нежно ощупывала кожаную поверхность сандалий. Вещунья Мудрая заплела в широкую косу, один-в-один как у нее, обсохшие волосы юницы, водрузила на голову веноч болярина, оправила на груди цепочку и скатившиеся к запястьям браслеты, а после заботливо взяв за правую руку, где на среднем пальце блистал массивный перстень, дар Словуты, повела к завесе.

– Вещунья Мудрая, – на немного замирая подле завесы, просительно прошептала Влада. – Пожалуйста, прости Липка... не наказывай его.

Царица вроде бы также застывшая, торопливо дернула на себя девушку, ничего не ответив и очутившись в завесе, уже через морг вывела ее в белый зал, в оном на этот раз были лишь

Небо, Огонь и Дажба. Кроме старшего Раса в зале никто не сидел. Только Небо поместился в безмерном, собранном из сизо-белых облаков, кресле в самом центре зала. Огонь стоял позади кресла опираясь правой рукой о грядущку его ослона, левая же лежала на плече Небо и он задумчиво глядел на медленно прохаживающегося повдоль стены залы Дажбы, почасту снисмающего тем движением свои тревоги. Огонь, как и Дажба, вельми нуждался в опеке старших Расов, будучи молодым Богом, хотя и пытался сие скрыть собственным упрямством и своевольством. Нынче, несомненно, меж Зиждителями произошел какой-то спор, который и вызвал тревогу Дажбы, и рдяность кожи Огня. Одначе, Небо удалось на этот раз справиться со свое-нравным сыном, потому он легохонько, кончиками перст правой руки, поглаживал тыльную сторону длани Огня покоящейся на его плече... Верно, Небо не просто справился с Богом, но и сумел сбить его негодование, посему кожа лица последнего степенно приобретала положенный молочно-белый цвет иноредь озаряемый золотыми всполохами.

Токмо Владелина и Вещунья Мудрая оказались в зале, как тотчас Огонь дернул руку с плеча Небо, точно стыдился своей немоци, и, переведя взор с Дажбы мягко глянул на девочку. Старший Рас вспять медлительно опустил руку вниз, лицо его, дотоль озаряемое золотым сиянием слегка поблекло и он недовольно дыхнул в сторону альвинки:

– Наконец, – та торопливо приклонила голову перед Богом и выпустила из своей, руку Влады.

– Было как велено, – теперь прозвучал негодующий тенор Огня, он, жаждая примириться со старшим Расом, решил поддержать его, ибо вельми редко, что высказывал людям Седми.

– Я не хочу идти... никуда не хочу уходить от тебя Отец, – проронила юница, единым махом потушив все недовольство Богов направленное против ее наставницы. – Не хочу... Отец, боюсь! Боюсь!

– Поди ко мне, моя драгость, – голос Небо, как и черты его лица враз подобрели и в них проплыла такая нежность, забота, теплота.

Владелина зыркнула на стоящего подле кресла Огня, смущаясь направленного на нее взора и все еще ощущая неудовлетворенность от его отказа, вельми однако торопко поспешила к старшему Расу, остановившись в двух-трех шагах супротив него.

– Моя драгоценная девочка, я не могу не привести тебя на эту встречу, – глас Небо теперь наполнился горечью, словно он весьма желал исполнить просьбу отроковицы. Притом не имея на то сил или возможности, оттого был вельми расстроен. – Пожалуйста, не проси меня о том. Однако, чтобы тебя порадовать, я выполню любую твою иную просьбу. Как только ты вернешься. Конечно лишь то, что не нанесет урона твоему здоровью.

Юница туго вздохнула, сзади бесшумно подошел Дажба, и, встав рядом, ласково огладил ее волосы и косу. И в том движение она ощутила не только трепет и любовь к ней Бога, но и ответное чувство, вроде вечного огня не затухающего в ней.

– А сейчас исполнишь? – негромко спросила Влада.

– Сейчас? – Небо, так и не дождавшись, что девушка к нему подойдет, поднялся с кресла сам и протянул ей навстречу руку. – Сейчас мы уходим, я не успею.

– Успеешь, – отозвалась юница и отступила назад, отстраняясь единожды от поглаживаний Дажбы и руки Небо, желающей обхватить ее плечо. – Успеешь, Отец.

– Хорошо, коли успею тогда проси, – заметил старший Рас. Он, несомненно, увидел, что девушка отстранилась от него и легкая зябь волнения пробежала по его лицу, всколыхала золотые волоски усов, бороды и одновременно отдалась лучистым светом, пущенным не только звездой, но и планетами в миниатюрной Солнечной системе поместившийся в наверхие его венца. – Ну... же... Нам надобно торопиться. Тебя ждут и вельми тревожатся данным отсутствием. Я жду, проси.

Девочка сделала несколько шагов вперед, и, подступив к направленной в ее сторону руке Бога, вложила туда свою правую длань, чуть слышно дыхнув:

– Скажи Вещунье Мудрой, чтобы она простила Липка и не наказывала за вчерашнее.

– Липка? – судя по всему, Небо ожидал услышать все, что угодно, но только не это. – Кто такой этот Липок? – он провел перстами по щеке отроковицы и зыркнул на стоящую позади нее альвинку.

– Тот мальчик, что дал Владушке напиток, оный вчера вызвал видение, – царица, видимо, и не говорила, а всего-навсе встревожено прошептала.

Небо перевел взор с царицы на девушку, и малозаметно просиял... Это даже не было видно, оно как его уста скрывали кудерьки усов, то Владу догадалась по особой игре золотого света кожи Бога.

– Вещунья выполнишь просьбу нашей драгости, не откладывая, – властно велел он царице, точно та могла его послушаться, и самую малость, повел в сторону правым указательным перстом все поколь удерживающим щеку юницы.

Вещунья Мудрая сызнова преклонила голову, и немедля развернувшись, в доли минут пропала в завесе.

– Это не хорошо, – произнес Огнь, и, обойдя кресло, неспешно двинулся к завесе, лишь на чуть-чуть сдержав поступь подле девушки. – Не хорошо Влада вмешиваться в наставления детей таким образом. Я того не одобряю... И еще хуже, Отец, потворствовать тому, – и вельми негодуя глянул в сторону Небо, словно вновь начиная на него досадовать. Определенно, именуя его Отцом, Огнь так изливал свое недовольство.

– Я могла, – торопливо произнесла девочка, стараясь оправдать себя и Небо перед Огнем. – Ты сам сказал... могла не делать следующие глотки, – и тотчас россыпь пота покрыла от волнения лоб и подносую ямку девочки, столь сильно, что несколько капель стекли к ее губам.

– Я жду вас в хуруле, – никак не отреагировав на слова Владелины, отозвался Огнь и все тем же размеренным шагом направился к завесе, пропав в ней.

Лишь Огнь ушел, старший Рас медленно опустился пред юницей на корточки, упершись правым коленом в залащенный белый пол, чего никогда досель не делал, и, прижав к себе ее малое тельце, нескрываемо взволнованно молвил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.